

Л. Кулаковский

ИСКУССТВО
СЕЛА
ДОРОЖЕВА

Л. КУЛАКОВСКИЙ

ИСКУССТВО СЕЛА ДОРОЖЕВА

У ИСТОКОВ НАРОДНОГО ТЕАТРА И МУЗЫКИ

Под общей редакцией

С. В. АКСЮКА

СОВЕТСКИЙ КОМПОЗИТОР

Москва 1959

Старинный праздничный наряд.
(Дочь Е. Ф. Симоновой Рая в платье своей матери)

ВВЕДЕНИЕ

Карта фольклорных богатств нашей Родины так же пестра и разнообразна, как и географическая или экономическая. И не только потому, что множество народов населяет Советский Союз и фольклор их, как и язык, неповторимо своеобразен. В пределах одной и той же национальности можно наблюдать громадное разнообразие фольклора, определяемое особенностями исторического развития и различием географических условий районов. Где интенсивно развивалась промышленность, устанавливался фабрично-заводской быт, там рабочий фольклор — городская песня, частушка — местами вытеснял старую крестьянскую песню. Этот процесс подмечен фольклористами уже в конце прошлого века.

В отдаленных от промышленности и железных дорог сельскохозяйственных районах относительно стойко сохранялась крестьянская песня, местами даже самые древние ее формы. После Великой Октябрьской социалистической революции в деревню стала проникать советская массовая песня, особенно с появлением радио; в то же время в последнее десятилетие во многих областях возникли хоры русской песни, способствовавшие возрождению интереса к старой крестьянской песне, представшей теперь в новом, преображенном виде.

Разнообразие и пестрота музыкально-фольклорной карты обусловлена, наконец, и тем, что отдельные села весьма отличаются друг от друга по интенсивности и качеству своих песенных или инструментальных традиций. Есть села «певучие», «песенные», богатые народными музыкантами, тогда как в других селах песен почти нет, и только в отдельных случаях удается понять причину подобного различия.

Учитывая все сказанное, было бы необоснованно ожидать от фольклориста — при каждом его выезде — сбора и записи песен всех видов и жанров, как неправильно было бы требовать от геолога, чтобы он привозил из каждой экспедиции руду и камни всех пород. Задача фольклориста — это прежде всего найти и собрать наиболее ценные материалы тех мест, которые он посетил, а попутно дать объективную музы-

кально-этнографическую картину данного района, то есть описать музыкальный быт, раскрыв, по возможности, исторические факторы, его обусловившие.

На музыкально-фольклорной карте нашего Союза еще много «белых пятен» — совсем не исследованных районов. Имея в виду только лишь русский фольклор (один из наиболее изученных), можно сказать, что, несмотря на многочисленные выезды, экспедиции, тысячи опубликованных песен, а также десятки тысяч записанных, но неопубликованных песен, мы все же многого в русском фольклоре не знаем и поныне.

Более правильно было бы сказать, что в каждой области имеются лишь отдельные пункты, в которых побывали фольклористы. Если в какой-либо области есть десяток-другой таких пунктов, эту область считают уже «изученной», а между тем и в ней сотни населенных мест остаются еще не исследованными, не говоря уже о том, что и в тех селах, где работали фольклористы, они успели только наспех зачерпнуть лопатой «песенную руду», лежащую на поверхности.

Вот почему и происходят в наши дни неожиданные открытия неизвестных песенных центров, даже в Московской области, вблизи Москвы. Нет ничего удивительного поэтому, что на полпути между Москвой и Киевом удалось открыть ценнейший и во многом новый по сохранившимся в нем материалам «брянский заповедник» русского фольклора.

* * *

Сейчас даже трудно понять бывшее безразличие музыкантов-фольклористов к Брянской области. Здесь были богатые историческим прошлым громадные брянские леса. Сюда, на окраину («украину») русского государства, в непроходимую глушь брянского леса убегали боярские холопы, сюда ссылали опальных людей. Здесь, наконец, на брянской земле находился «стык» расселения великоруссов, украинцев и белоруссов, а на таких стыках почти всегда можно найти особо интересный фольклор.

В довоенные годы о брянском фольклоре мы почти ничего не знали. Еще до революции была, правда, выпущена книжка П. Тиханова «Брянский говор» (СПб., 1904) с записями брянского фольклора, но нотных записей в ней не было. Для музыкантов она не представляла почти никакого интереса.

Неизвестно как долго продолжалось бы это игнорирование фольклористами брянщины, если бы сами брянцы не заявили о себе. Стимулом к первому выезду в Брянскую область послужил мой случайный разговор с молодым режиссером Ф. Марцинковским, присутствовавшим весной 1939 года на районной брянской олимпиаде в качестве члена ее жюри. Среди номеров, показанных на олимпиаде, ему особенно запомнился один: небольшой сельский коллектив исполнял какую-то странную хороводную игру с припевом, в котором повторялось слово «Кострома». Рас-

сказал он и о том, что женщины — участницы этого ансамбля — как-то странно свистели и жужжали на дудочках-свистелках.

Сведения были довольно туманные и отрывочные, но я уже знал азбучное правило фольклориста: самые неясные тропинки выводят порой на удивительные места. Пренебрегать случайными, пускай неясными и неточными сведениями — значит совершать непоправимые ошибки и пропускать замечательные материалы. В данном случае особо настораживали слова припева «Кострома, Кострома». Еще в XIX веке в разных областях были описаны редкие и интересные варианты древнего обряда «Походрон Костромы», но в них не было никакой «хороводной игры».

Мы начали с запроса в Брянский райком КПСС от имени Кабинета народной музыки Московской консерватории. Уже через 2—3 недели был получен подробный и обстоятельный ответ: райком командировал инспектора политпросвета Е. Орлову в село Дорожёво, жители которого участвовали в заинтересовавшей нас постановке. Е. Орлова тщательно записала весь текст спектакля «Кострома» и прислала его вместе с письмом (качество записи было таким хорошим, что позднее я смог ее опубликовать). Одновременно в письме сообщалось, что пьесу свою дорожевцы сопровождают игрой на кувиклах. И текст «Костромы», и упоминание о кувиклах глубоко заинтересовали фольклористов. Стало ясно, что перед нами запись древнего, вполне самобытного народно-театрального действия. Кувиклы — это русское название флейты Пана — древнейшего духового инструмента, существовавшего у многих народов и названного так по имени греческого бога полей и стад — Пана, всегда изображавшегося с аналогичной по типу флейтой в руках. Кувиклы считались позабытым инструментом у русских крестьян, и лишь в 1936 году К. В. Квитке удалось найти его в единичных селах Курской области. И вдруг сами брянцы пишут о таких же кувиклах!

В марте 1940 года я выехал в Брянск (тогда районный центр Орловской области), а оттуда — в село Дорожёво, расположенное к северу от города, недалеко от железнодорожной магистрали Жуковка — Рославль. Уже на окраине станции Сельцо началась чаща — знаменитый брянский лес. Около часа езды в заснеженном бору — и я в Дорожеве. Большое село, широко размаставшееся своими «концами» и выселками, лежит посреди поля, окружённого со всех сторон зубчатой стеной соснового бора. Восточнее села, на краю поля протекает живописная речка Сенная; к югу, километрах в пятнадцати, несет свои воды полноводная Десна.

Никогда не забыть мне первой многочасовой беседы с дорожевцами. Премированные недавно на районной олимпиаде за свою «Кострому», уже прослышавшие, что Москва интересуется их дедовским спектаклем, они смутно поняли его значение и решили потребовать за показ своеобразную «плату» — поездку

в Москву. «Свези нас в Москву, хотим посмотреть ее, — упрямо твердили бабы, — а то ты спишешь в свою «машинку» «Кострому», увезешь ее — и не видать нам тогда Москвы!». Это было смешно и трогательно. Несколько часов, до хрипоты уговаривал я дорожников, что «кота в мешке не покупают»: «Покажите мне свою «Кострому», кувиклы и песни. Будет интересно — вызовут вас в Москву». Только после бесконечных заверений согласились певицы показать свои сокровища и позволили записать их фонографом, предварительно прокричав хором в рупор своеобразную, тут же симпровизированную частушку:

Хотим в Москву — развеять тоску,
Москву посмотреть, «Кострому» показать!

Наконец доверие было восстановлено. Дорожники показали мне все, чем были богаты: «Кострому», игру на кувиклах, песни и хороводы. С первого же вечера я понял, что попал в подлинный заповедник древнерусского народного искусства. Своеобразные исторические условия, смысл и значение которых раскрылись не сразу, надежная стена могучих лесов и ряд других причин обусловили удивительное богатство местного фольклора и сохранность в нем древних форм. «Кострома», кувиклы, песни и хороводы — все это заслуживало тщательной записи и изучения. В течение трех недель, проведенных в Дорожеве, работать пришлось буквально с утра до ночи. Кроме того, много материалов дал короткий (двухдневный) выезд в соседнее село Домашёво. Там тоже была найдена «Кострома», но совсем иной вариант ее, тоже были кувиклы и древние песни. Немалого внимания потребовало также изучение (разумеется, самое беглое) быта дорожников, местного говора. В нем сказались близость Украины и Белоруссии, сохранились в быту и старорусские слова, давно вышедшие в других областях из употребления¹. В общем их язык великорусский, «акающего» говора. Как мне кажется, дорожники этнически ближе к белорусам, нежели к украинцам. Национальных костюмов в самом Дорожеве почти не привелось видеть (женщины старшего поколения, правда, носили порой паневы). Тем более я был поражен, когда через восемь месяцев увидел дорожников на эстраде московского ВТО в красивых праздничных нарядах, сохранившихся еще от бабушек². Когда Маша Васюкова (одна из лучших «игрух» села) вышла вперед и луч прожектора осветил ее крупные, словно высеченные из камня черты, невольно показалось: вот тип древней славянки, сохранившийся таким, каким он был и тысячелетие назад.

Черты древности, самобытности развития сохранились и в быту дорожников. Интересно, что в прошлом (согласно мест-

¹ Перечень характерных слов и выражений см. в приложении.

² Описание праздничных костюмов дорожников также см. в приложении и на фото.

ным рассказам) его обитатели не знали помещицкой власти¹ Испокон веков здесь были церковные земли; крестьяне, подвластные какому-то крупному монастырю (может быть, — сванскому, около Брянска), платили ему своим трудом и продуктами за «духовную опеку». Не оттого ли в фольклоре села так сильны антицерковные настроения?

Во время работы в Дорожёве мне много раз приходилось сталкиваться со всевозможными пережитками. Из них самые яркие, свидетельствующие о самобытности культурного развития села в прошлом, — это «Кострома» и игра на кувиках.

---

¹ В «Списке населенных мест по сведениям 1866 г.», обработанном Н. Штиглицем (СПб., 1871), Дорожево числилось как «казенная деревня» с числом жителей более 500; Домашево — как «деревня казенная и владельческая» с числом жителей около 200.

ОБЩИЙ ОБЗОР

«КОСТРОМА»

При всем интересе, который вызывал и вызывает песенный фольклор дорожцев и их игра на кувиклах, главное внимание во время экспедиции привлекло местное «хороводное действо» — «Кострома». Счастливый случай и инициатива крестьян, вынесших свою дедовскую игру за пределы села, привели нас буквально к истокам русского народного театра, нераздельно связанного с музыкой, пением, ведущего свое происхождение от древней обрядности.

Известно, что и поныне крайне мало материалов, позволяющих изучить первоисточки русского театра. Вряд ли кого могут удовлетворить зачатки театрализации в русских хороводах, а тем более скупые и разрозненные упоминания о древнем скомошьем искусстве. Сохранившиеся до последнего времени и изученные фольклористами народные театральные постановки типа «Лодки» (своеобразной инсценировки песни «Вниз по матушке по Волге») или «Царя Максимилиана и его сына Адольфа» были созданы, вероятно, только в последние века. Сюжет «Царя Максимилиана»¹ — наиболее популярной в XIX веке «постановки» заимствован из нерусских источников. «Кострома» же — подлинно народное хороводное действо, восходящее к глубокой, явно дохристианской эпохе. К довершению удачи, оказалось возможным изучить два варианта этого действа (в соседних селах Дорожеве и Домашеве), сходные и в то же время глубоко различающиеся по самому жанру.

Трудно забыть впечатление, произведенное домашевской «Костромой», впервые увиденной мною в избе, при слабом освещении (был март, все село покрыто снегом; обычно «Кострому» играют на улице). В памяти сразу ожили скупые описания древнегреческого хороводного театра...

---

¹ См. описание ярославского варианта этой пьесы в статье В. Кривоногова и Л. Кулаковского «Царь Максимилиан», «Советская музыка», 1939 г., № 7

На подстилке посреди круга («карагода») медленно, не в такт пению, движущихся женщин и девушек, лежит на спине тяжело больная Кострома, роль которой всегда исполняет девочка. Лицо больной покрыто платком. Кострома неподвижна, молчит.

Рядом с нею сидит женщина — мать Костромы или просто — «кума». Быстрыми, уверенными движениями она имитирует исконно женскую работу — обработку «прядева» (кудели) — в пряжу, а затем в холст. Одна из участниц хоровода (тоже «кума») спрашивает о здоровье Костромы. Мать Костромы отвечает. Процесс обработки прядева разбит на эпизоды, заканчивающиеся неизменным припевом хора; женщины в это время двукратно обмениваются репликами.

Глубокая серьезность характеризует как действия матери, так и ее ответы куме. Монотонная торжественность хора, неподвижно лежащая Кострома — все это придает действию характер подлинного обряда, хотя по существу оно было своеобразным театральным представлением.

Приводим полностью записанный М. И. Людоговской в селе Домашеве текст «Костромы».¹

В кругу Кострома лежит Кума сидит, другая кума ходит по кругу

1. Хоровод

Кострома, Кострома,
Государыня моя Кострома!
У Костромушки кисель с молоком,
Еще с прибылью блины с творогом.

Запевала А. МИТРОШИНА
Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Ко- стро- ма, Ко- стро- ма, го- су- да- ры- ня мо- я Ко- стро- ма! У Ко- -стро- муш- ки ки- сель с мо- ло- ком е- ще

¹ Запись М. И. Людоговской сохранена полностью, однако нами раскрыты допущенные ею сокращения, а также восстановлены повторения и дополнена пунктуация.

2-я кума. О, кума! Здрав, кума!

1-я кума. Здравенько, кумочка!

2-я кума. Как твоя Кострома?

1-я кума. На речку ходила, пальчик отбила.

2. Хоровод

Кострома, Кострома,

Государыня моя Кострома! и т. д.

2-я кума. Здрав, кума!

1-я кума. Здравенько, кумочка!

2-я кума. Как твоя Кострома?

1-я кума. Крепко заболела, от пальца заболела.

3. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

2-я кума. Здрав, кума!

1-я кума. Здравенько, кумочка!

2-я кума. Жива твоя Кострома?

1-я кума. Да, жива, ходить за ней некогда, нужно
прясть.

4. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

2-я кума. Здрав, кума!

1-я кума. Здравенько, кумочка!

2-я кума. Жива твоя Кострома?

1-я кума. Да, лежит. Некогда за ней ходить. Нужно
котелки мотать. Хоть бы ты мне помогла, ку-
ма.

5. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

2-я кума. Здрав, кума!

1-я кума. Здравенько, кумочка!

2-я кума. Жива твоя Кострома?

1-я кума. Да, лежит чуть жива. Нужно сновать.

6. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

2-я кума. Здрав, кума!

1-я кума. Здравенько, кумочка!

2-я кума. Жива твоя Кострома?

1-я кума. Да, жива. Чуть жива. Во, вишь, нужно
толочь. А хоть бы и ты, кумочка, помогла!

2-я кума. Ну, ладно, давай помогу.

Толкут в ступе.

7 Хоровод

Кострома, Кострома, и т д.

2-я кума. Здоров, кума!

1-я кума. Здоровенько, кумочка!

2-я кума. Жива твоя Кострома?

1-я кума. Да, жива. Чуть жива. Навивать кросна нужно.

2-я кума. Ну, ладно, я тебе помогу
Навивают вместе.

8. Хоровод

Кострома, Кострома, и т д.

2-я кума. Здоров, кума!

1-я кума. Здоровенько, кумочка!

2-я кума. Жива твоя Кострома?

1-я кума. Жива, чуть жива. Кросна стоят Да нужно
за фершалом ехать. Уже плоха совсем моя
Кострома.

Поехали за «фершалом».

9. Хоровод

Кострома, Кострома, и т д.

«Фершала» ведут под руки.

«Фершал» Как ваша Кострома?

2-я кума. Чуть жива.

«Фершал» (*осматривает*) Плохо! Некому тут жить.

10. Хоровод

Кострома, Кострома, и т д.

2-я кума. Здоров, кума!

1-я кума. Здоровенько, кумочка!

2-я кума. Ну, как твоя Кострома?

1-я кума. Да плохо. Умирает За попом надо ехать.

2-я кума. Ну, надо ехать. Поедем. Поедем!

Уезжает 2-я кума.

11 Хоровод

Кострома, Кострома, и т д.

Под руки приводят попа.

Поп. А плоха Кострома. Надо причастить.

Причащает Кострому приподнимают

12. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

2-я кума. Здоров, кума!

1-я кума. Здоровенько, кумочка!

2-я кума. Жива твоя Кострома?

1-я кума. Чуть жива. Давай кросна убирать. Тут все
пораскидано. Как же ее положить?

13. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

Умерла Кострома.

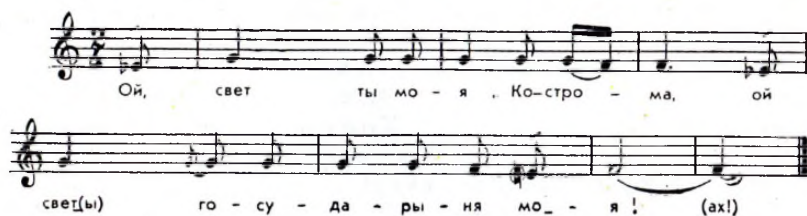

1-я кума (начинает, а хор подтягивает).

А свет же моя Кострома, ой свет государыня моя!

Пела А. МИТРОШИНА

Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

1-я кума. Давай, кумочка, хоронить!

Собираются вместе, поют:

«Со святыми упокой...»

Плачут, несут, поп кадилом машет, «дьячут».

Привожу также более подробный конец дорожневской «Костромы» в своей записи.

Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

Кума. Здорово, кума!

Мать.¹ Здравенько!

Кума. Живая твоя Кострома?

Мать. А во, приобщили, хоронить надо.

Кума. Кончилась?

Мать. Да, покончилась.

Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

Кострому поднимают и несут. Мать разбрасывает кросна и причитает.

Мать. Ой, свет ты моя Кострома,

Ой, свет (ы) государыня моя! (ах!)

Кострому несут на кладбище хоронить. Кладут на землю. Хор поет: «Со святыми упокой...» — по церковному чину.

Само собой разумеется, что при отсутствии твердо установленного текста варьируется каждое исполнение. Это относится к форме вопросов и ответов, к пропускам некоторых эпизодов и слиянию их.

Домашевская «Кострома» игралась весной, в праздничные или воскресные дни (в 1939 году только раз, в день выгона скота).

¹ В моей записи 1-ю куму, сидящую возле умирающей Костромы, называли «матерью».

Содержание домашевской «Костромы» не оставляет сомнений в том, что перед нами — остатки древнего обрядового театрализованного действия. Смысл обряда давно забыт, в связи с чем в «Кострому» проникли позднейшие мотивы, уже не языческого, а христианского происхождения, как например, причащение, соборование умирающей Костромы и отпевание ее с обычными заупокойными песнями.

Помимо смысла древней обрядности, лежащей в основе сохранившегося до наших дней действия, внимание привлекает также и развитая театральная форма домашевской «Костромы». В 1940 году нам удалось увидеть древнейшую фазу развития театра, только что «вылупившегося» из недр театрализованного обряда, — фазу, известную по истории древнегреческого театра (на заре его существования), по-видимому именно ту, которую застал в Элладе первый гений этого театра — Эсхил, — существовавшую почти 3 тысячи лет назад.¹

Здесь были все составные элементы древнегреческого театра; «карагод» домашевцев — очевидный гомолог хора древнегреческой трагедии, совмещающий в себе идеального зрителя, вмещающийся в то же время в действие. «Мать» безгласной Костромы была первой актрисой этого театра, протагонисткой — по терминологии древних эллинов.

Окостеневшая форма древнеязыческой обрядности сохранилась в Домашеве до наших дней, но особой популярности в этом селе не имела (многие жители Домашева ничего не слыхали о ней). Театрализованный обряд сохранялся по инерции, и, видимо, находился в закатной фазе своего существования.

Тем более показательно и интересно, что в пяти километрах от Домашева — в Дорожеве — та же «Кострома» оказалась в корне переработанной в иное, комедийном направлении и превратилась в самобытную хоропроводную комедию, с давних времен широко популярную и любимую во всем селе. Эту «Кострому» дорожевцы и решили показать на районной олимпиаде, озадачив членов жюри и одновременно очаровав их «простотой подачи и искренностью, творческой инициативой» (из постановления жюри олимпиады, премировавшего дорожевцев)

Вот текст «Костромы» села Дорожева.

1 Хоровод

Кострыма, Кострыма,
Государыня моя Кострыма!
У Костромушки кисель с молоком,
У Костромушки былины с творогом²

¹ Проводя здесь и в других местах аналогии с искусством древних эллинов, мы, конечно, далеки от мысли устанавливать генетическую связь, преемственность между их искусством и народно-русским.

² После первого круга хоровод останавливается и стоит неподвижно до конца постановки.

Одна Хор

Ко_стры-ма, Ко_стры-ма, го-су-да-ры-ня мы-я

Хор (выкрики) Ух! Ух! Ух! Ух! Ух! Ух! Ух!

Все

Ко_стры-ма! у Ко_стро-му_шки ки-сель с мо-ло-ком.

(хлопки)

у Ко_стро-му_шки бы-ли-ны с тво-ро-гом.

Здорово, Кострома! — Здоровенька! — Что ты делаешь? — Я делаю —
красна выткала, хотела пообедать, да и зыболела.

Одна Хор

Ко_стры-ма, Ко_стры-ма, го-су-да-ры-

Одна! Ух! Ух!

Хор

-ня мы-я Ко_стры-ма! у Ко_стро-му_шки ки-сель

Ух!

с мо-ло-ком, у Ко_стро-му_шки бы-ли-ны с тво-ро-гом.

Одна (запевала) Двое

Расшифровка Е. ГИППИУСА
(Запись 1953 г.)

Ко_стро-ма, Ко_стро-ма, го_су-да-ры-ня мо_я

Все

Ко_стро-ма! у Ко_стро-мушки кисель с мо_ло_ком,

Одна из хоровода. Здорово, Кострома!¹
 Кострома (*сидя на подстилке в середине хоровода*).
 Здоровенькя!

Одна. Что ты делаешь?
 Кострома. А делаю—начинаю прядево брать.

2. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
 Одна. Здорово, Кострома!
 Кострома. Здоровенькя!
 Одна. Что ты делаешь?
 Кострома. А начинаю прядево подвязывать.
 Подвязывает.

3. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
 Одна. Здорово, Кострома!
 Кострома. Здоровенькя!
 Одна. Что ты делаешь?
 Кострома. А начинаю прядево обтирать.
 Обтирает.

4. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
 Одна. Здорово, Кострома!
 Кострома. Здоровенькя!
 Одна. Что ты делаешь?
 Кострома. Хочу прядево заливать.

5. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
 Одна. Здорово, Кострома!
 Кострома. Здоровенькя!
 Одна. Что ты делаешь?
 Кострома. Прядево залила, прядево мое улежалось,
 хочу оттаскать прядево с сажалки.

¹ Во время пения гласные деформируются более отчетливо, чем во время обычного произнесения слова; в пении (1940 г.) явно звучало «Кострыма», а во время обмена репликами—«Кострома»; ы звучало мягко, по-украински — нечто среднее между и и ы.

6. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А прядево вытащила, хочу сушить.

7. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу прядево мять.

Мнет прядево.

8. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А прядево помяла, хочу тереть.

9. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А хочу прядево потерши, мычки мыкать.

10. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Мычки помыкала, хочу попрядуху собирать.

11. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А во, попрядуху собрала, прядем.

Прядет.

12. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Попрядуху попряла, хочу кателки¹ мотать

---

¹ «Кателки» — клубки.

«Кострома» в Москве.

Кострома и Невестка «ткут» на кроснах

Фото С. Шингарева, 1940 г

«Кострома» в Москве.

«Во имя овса и сена святого Хоботья!»

*Кострома — А. П. Васюкова, Поп — Н. А. Алешин, Муж Костромы —
А. В. Зенкин, Невестка — Е. Ф. Симонова.*

Фото С. Шингарева, 1940 г

13. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А котелки помотала, хочу вешать.

14. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Пряжу повешала, хочу сновать.

15. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово тебе, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А начинаю сновать.

16. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А сновала, посчитать хочу, сколько насновала.

Взвешивает пряжу.

17. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А посчитала, 12 пасов находила.

18. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу пряжу снимать.

19. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Сновала, хочу пряжу навешать сколько сошло.

20. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Я пряжу навешала, 10 фунтов сошло.

21. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу пряжу обваривать

22. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу пряжу толочь.

Толчет палками.

23. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Пряжу потолкла, хочу вешать, сушить.

24. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу навевать кросна.

25. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А во, с молодкою прибираю кросна.

26. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу узлы завязывать.

27. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенья!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу затыкать.

28. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А заткала, так что-то зев плох.

29. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Ну, наладила, зев ништо.

Ткёт.

30. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А во, доткала только сичас.

31. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А хочу подрубливать холста.

32. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А хочу поколотить холста.

Вдвоем с Невесткой колотят палкой о палку.

33. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А во, поколотила холста, постлала.

Расстилает тряпки.

34. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А теперича все поделала, хочу пообедать.

Отправляет Невестку.

35. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Костром а. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Костром а. Хочу обедать, проводила молодку
у кабака по вино.

Молодка и Муж приносят еду и вино.

36. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Костром а. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Костром а. А принесла во молодка полштофа¹ вина,
хочу выпить и пообедать.

Втроём едят и пьют.

37. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Костром а. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Костром а. А, пообедала, хочу отдохнуть.

Ложится, потом начинает стонать.

38. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Костром а. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Костром а. А во, пообедавши и отдохнуть легла,
да и захворала.

Дальше за Кострому отвечает Невестка, помогающая лечить Кострому и суетящаяся около нее.

39. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Невестка. Здравенькя!

Одна. Что ты делаешь?

Невестка. А во, мать захворала, не знаю, что мне
теперь делать. Посылает меня мать в Ко-
мягин к деду².

40. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

---

¹ Как разъяснила А. П. Васюкова, так говорили раньше, теперь — «пол-литра».

² По рассказам, Комягино — село, где жил популярный в Дорожеве знахарь (в Жирятинском районе, километрах в 40 от Дорожева).

Одна. Здорово, Кострома!

Невестка. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Невестка. Приехал батя, деда дома нет. А мать совсем плоха, за хвершалом поехали.

Кто-нибудь из хоровода едет на палке за «фершалом». Приезжает Фельдшер.

Фельдшер. Чем больна?

Кострома. Болит сердце и воспаление легким.

Фельдшер (*выслушивает больную*). Чего тебе так скверно стало?

Кострома. Трудно я работала, поэтому я себе больную достала.

Фельдшер дает порошок и уезжает.

41. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Невестка. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Невестка. А привезли хвершала, матери не лучше, все бьется. Что мне теперь делать? А думаю теперь причастить матерью, за попом послать.

Едут за попом.

42. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Привозят попа.

Одна. Здорово, Кострома!

Невестка. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Невестка. А во, привезли батюшку, хочет мать поисповедовать.

Поп. Раба, кайся грехами.

Кострома. Ну что ж, расскаюся, чем я грешна. Как начала я грешить с конца¹ и грешила до конца. Чужих мужиков любила. Грешная я, батюшка, хочу грехи замолить.

Поп (*причащая*). Как звать?

Кострома. Хоботья.²

Поп. Во имя овса и сена и святого Хоботья, аминь!

Кострома встает и начинает плясать под песню хоровода.

---

¹ То есть «сначала».

² Иногда: «Ох, зовут меня Хоботья Аксеновна».

КАК НА ГОРКЕ, НА ПРИГОРКЕ

Запевала Е. ВАСЮКОВА
Рассшифровка И. КУЛИКОВОЙ
(Запись 1940 г.)

Умеренно ♩ = 72

Одн.

Как на гор- ке, на при гор- ке, как на гор- ке,
Хор Все на при-гор-ке, ба-ры-ня ты мо-я, су-да-ры-ня ты мо-я,
на при-гор-ке. 2. Рас- сы- па- ли ха-на-бор(ы)ки,
рас-сы- па- ли ха-на-бор- ки, ба-ры-ня ты жы-я,
су-да-ры-ня ты мы-я, на гор(ы)ке 3. Как у Ка-ти
муж гу-ля- ка, как у Ка-ти муж гу-ля- ка,
ба-ры-ня ты мы-я, су-да-ры-ня ты мы-я,
муж гу-ля- ка 4. Муж гу-ля- ка, за-пи-ва- ка,
муж гу-ля- ка, за-пи-ва- ка, ба-ры-ня ты мы-я,
су-да-ры-ня ты мы-я, за-пи-ва- ка.

Свист

Как на горке, на пригорке. ¹ Барыня ты моя, Сударыня ты моя, На пригорке.	Ен не мало, три кармана. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Три кармана.
Рассыпали ханaborки. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, На горыке.	Первый карман с орехами. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, С орехами.
Как у Кати муж гуляка. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Муж гуляка.	Другой карман с виноградом. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, С виноградом.
Муж гуляка, запивака. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Запивака.	Третий карман с калачами. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, С калачами.
День он пьет, два гуляет. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Два гуляет.	От орехов зубы ломают. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Зубы ломают.
И про Катюшу забуваает. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Забуваает.	С винограда пьяна буду. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Пьяна буду.
И где он денежки деваает? Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Он деваает.	А от булок пузо дует. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Пузо дует.
Он солдаткам отдаваает. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Отдаваает.	Оно дует, поддуваает. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Поддуваает.
Приходил милой не рано. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Да, не рано.	Э, выше носа подымаает. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Подымаает.
Приносил тебе не мало. Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Ен, не мало.	Нельзя обуца, ни разуца, Барыня ты моя, Сударыня ты моя, Ни разуца.

Нельзя с милым поцалуа.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя,
Поцалуа.

¹ Далее первая строка каждого куплета исполняется дважды.

Живо

Все

Одна

Как на- гор- ке, на при-гор- ке, как на- гор- ке,
на при- гор- ке, ба- ры- ня ты мо- я,
су- да- ры- ня ты мо- я. На при- гор- ке, Ви-т.д.,
на при- гор- ке, на гор- ке, на при- гор- ке,
на гор- ке, ба- ры- ня ты мо- я, су- да- ры- ня ты мо- я

1) V — ритмический свист

Самого общего ознакомления с текстом дорожевской «Костромы» достаточно, чтобы увидеть ее отличие от домашевской. Сохраняя общий «производственный» костяк действия, дорожевский вариант в то же время имеет совсем иной, комедийный характер.

Древний обряд, контуры которого так отчетливо видны в домашевской «Костроме», здесь переработан в широко развернутую хороводную комедию.¹ Переработка эта достигла своей цели — в комедийном переосмыслении «Кострома» завоевала в селе широкую популярность. В течение многих десятилетий (а может быть, и столетий) она оставалась одним из самых любимых сельских развлечений. Вот свидетельство жительницы села, учительницы М. И. Людоговской, издавшей в Дорожеве «Кост-

¹ Полные тексты двукратных записей домашевской и дорожевской «Костромы» с детальным описанием этой народно-театральной постановки были опубликованы в статье «Кострома», в журнале «Советская этнография», 1946, № 1.

рому» в двадцатых-тридцатых годах¹. «Настала весна в Дорожеве, не совсем сошел еще снег; раньше всего просохло на площади, где школа. Сейчас же молодежь двинулась сюда гулять, хороводы водить. Тут я увидела и длинную хороводную игру «Кострому». Исполняется она в Дорожеве часто, но все-таки не в простой рядовой праздник — воскресенье, а в большие, чаще религиозные весенние и летние: «Вознесенье», «Николу», «Духов день», «Илью», «Петров день», «Казанскую» и «Фролов день»

Старейшие жители села помнят «Кострому» уже лет 50, и всегда она пользовалась шумным успехом, равно привлекательная и для старых и для малых.

«Когда соберутся играть в «Кострому», — писала М. И. Людоговская, — стоном стонет тогда вся деревня. Водят хоровод до 100 человек, кругом все живые и полуживые соберутся».

Сравнение объема текстов домашевской и дорожевской «Костромы» также доказывает большую популярность дорожевского варианта, сохранившего свыше 40 эпизодов, против 8—13 эпизодов в Домашеве.

* * *

Внимательное изучение обоих вариантов брянской игры в «Кострому», сопоставление их с известными в фольклористике вариантами сходных игр и обрядов позволяет установить значение их как для изучения первых этапов развития народного театра, так и для осознания древнего смысла обрядности, некогда породившей игру в «Кострому». Мы должны начать с установления того нового, что вносят записанные нами варианты в понимание соответствующей древнерусской обрядности.

¹ После экспедиции я опубликовал в местной прессе («Орловской Правде» — Орел и «Сталинской Правде» — Брянск) несколько статей. Ознакомившись с ними, бывшая учительница дорожевской школы М. И. Людоговская написала мне письма, в которых сообщила много ценных и интересных сведений о «Костроме», использованных в той же статье в «Советской этнографии».

ОБРЯДОВЫЕ КОРНИ ИГРЫ В «КОСТРОМУ»

И в Дорожеве и в Домашеве полностью позабыт ритуальный смысл игры в «Кострому». Однако восстановить его крайне заманчиво. Фольклористам давно уже известен ряд вариантов древнего обряда «Похорон Костромы», а также варианты детской игры в «Кострому», записанные в целом ряде областей. (На Украине была записана сходная игра в «Кострубонька».)

Брянские варианты содержат немало общих моментов с описанными ранее; это доказывает, что они идут от общего обрядового корня. Вместе с тем и дорожевский и домашевский варианты содержат много оригинальных, ранее вовсе неизвестных, деталей явно архаического происхождения; они мало понятны с точки зрения ранее предложенных объяснений этого театрализованного обряда.

Для разных вариантов «Похорон Костромы» общим было изготовление соломенного чучела Костромы и затем его торжественные похороны, особенно подробно описанные в бывшем Муромском уезде Владимирской губернии.¹ Обычно чучело относили на берег реки или пруда. Там с него срывали одежды и с песнями бросали в воду, иногда при сопротивлении части играющих, «заступавшихся» за Кострому. На широко театрализованных «Похоронах Костромы», описанных в Самарском уезде (к сожалению, очень неполно и неумело), роль Костромы исполнял переодетый парень. Смерть — другой переодетый парень — убивала Кострому, ударив по ней сухой веткой, и победоносно садилась ей на грудь. «Убитую» и Смерть относили к берегу (с пением припева, уже знакомого по брянским вариантам) и бросали в воду. Сходные обряды описаны под названием «Проводы Русалки». Все эти варианты очень явственно напоминают ко-

---

¹ Е. Добрынкина. Обычай хоронения Костромы в Муромском уезде. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», т. XIII, вып. 1, 1877, стр. 100.

нец домашевской «Костромы» — отпевание и похороны.

На Украине были описаны варианты похожих обрядов, в которых Кострома заменена мужским образом Кострубонька.

Известна, наконец, песня, записанная в Муромском уезде, содержание которой сходно с показываемым в Дорожеве действием (подробнее об этой песне см. стр. 37).

Таким образом, в самых разных концах Руси существовала обрядность, связанная с именем Костромы, умирающей (или уже мертвой), торжественно хоронимой, бросаемой в воду. На этой основе позднее возникали детские игры.

Брянские варианты, неотделимые от этой обрядности, одними чертами похожи на традиционные похороны Костромы, другими — на детскую игру в «Кострому».

Детские игры в «Кострому» сохранили детали, напоминающие оба брянских варианта. В них всегда присутствует хоровод, больная Кострома (девочка); неоднократно повторяется обмен репликами о здоровье Костромы — Кострома заболела, пальчики отбивши. Костроме все хуже, она умирает. Вдруг Кострома вскакивает и ловит подруг. Пойманная в свою очередь ложится посреди круга, изображая больную Кострому, и игра начинается снова.

Пение в детских играх большею частью отсутствует.¹

Брянские варианты доказывают, что все известные на Руси формы «Похорон Костромы», игры в «Кострому» и песни о Костроме, порою различные по содержанию, восходят к одному источнику, одной древней обрядности.

Изучение брянских вариантов дает право предполагать, что они, объединяя хоровод, диалог и похороны умершей Костромы, являются относительно полной формой былой обрядности, лучше сохранившейся и наиболее точно воспроизводящей древний позабытый ритуал. Архаические детали музыкального быта Дорожева и Домашева, как например кувилы, косвенно также подтверждают этот вывод.

¹ Как удалось узнать у И. П. Пономарькова, в аналогичной игре в «Кострому», бытовавшей в 1891—92 гг. в селе Поим бывшей Пензенской губернии, детский хоровод пел свой припев: «Костромушка-Кострома ненадолго нажила, у Костромушки на головушке золотой венец». Мелодия была следующая:

Возникает вопрос: как расценить одну из особенностей брянских вариантов «Костромы» (до сих пор не встречавшуюся ни в одной записи) — детальную имитацию «производственного процесса» — показ обработки прядева (кудели) в холсты? Является ли она органичной частью древней обрядности или продуктом более поздней исторической эпохи?

Скептики могут указать на возможность того, что «производственный процесс» — результат позднейшей контаминации (механического объединения) обряда «Похорон Костромы» с одним из старинных русских хороводов — игрою «Уж я сеяла леннок, приговаривала». В этой игре, как известно, имитируются все этапы посева льна, его выдергивание, добывание кудели и переработка в пряжу, холсты.

Ряд соображений заставляет, однако, отвергнуть предположение об объединении обряда с хороводной игрой.

Прежде всего дорожевцы рассказали мне, что в прошлом по старинному, только недавно оставленному обычаю подстилкой для больной Костромы служил обязательно ворох костры, кострики (разломанных стеблей — отходов льна при получении из него кудели, прядева). Этот факт освещает непонятный смысл обряда с «производственным» процессом обработки прядева в холсты. Кострома — олицетворенная костра. Костра — это сор, раздробленные «кости» растения, «убивая» которое, добывали волокно-прядево. Видимо, поэтому кострой в иных местностях стали называть некоторые сорняки («сор») в зерновом хлебе.

А если Кострома — олицетворение костры, тогда все объясняется весьма просто: перед нами древняя «искупительная жертва» духу растительности, льна. «Кости» убитого растения (костра, олицетворенная в образе Костромы) торжественно облакались в одежды и так же торжественно хоронились. Возможно, что в далеком прошлом процесс «обработки прядева» приближался к реальному. Из прядева (отделенного от костры) тут же изготовлялись холсты, в которые облакалась Кострома; вновь воссоединялось прядево с куделью и земледelec демонстрировал, для чего ему необходимо было убить растение. Искупительным обрядом он отвлекал от себя гнев духа за убийство растения и обеспечивал в будущем новый урожай, бросая Кострому в источник жизни — воду.

Здесь следует напомнить и о древнем магическом значении, которое приписывалось нашими предками обыденным полотенцам, холстам, изготовленным с ритуальной целью в один день («об один день»).

Не мешает вспомнить и о том, что полотенца, ткани, как и процесс их изготовления, в древности были магиче-

¹ А. Афанасьев («Поэтические воззрения славян на природу», т. III. М., изд. К. Солдатенкова, 1869 г., стр. 726) производил слово «Кострома» именно от сорняков хлеба.

скими, служили оберегами от злых духов, мора (смерти).¹ Изготовление обыденной ткани еще недавно (в XIX веке) было в Вологодской губернии традиционным обрядом девушек, желавших выйти замуж; обряд этот совершался на «Девятую Пятницу», на «Икону Покрова».² Наконец, по древним поверьям, русалкам (тем же духам воды и плодородия) надо было давать тряпки, ткани, чтобы они могли облачиться в них.

Все это — смутные отзвуки древнейших поверий, некогда объединенных в общее ритуальное действо; оно, возможно, занимало целый день, в течение которого из прядева изготавливалась обыденная — волшебная ткань, и Кострома, облаченная в нее, торжественно опускалась в воду. В известных вариантах «Похорон Костромы» воспроизводился только финал обряда, а в брянской «Костроме» (в особенности в домашевской) сохранился «силуэт» всего древнего ритуального действия: той его стадии, когда подлинное изготовление обыденных тканей было уже заменено имитацией этого утомительного процесса.

Косвенным подтверждением существования обрядности, связанной с обработкой льна, служит аналогичная обрядность хлебопашцев: обычай «завивания ржи», установка хлеба в углу еще несжатого поля. При этом, как известно, тоже приносилась искупительная жертва ржи или пшенице, «убиваемой» жнищами. Установка хлеба в несжатом углу поля, принесение хлеба в жертву вполне соответствовало одеванию Костромы в ткани. Нужно иметь в виду, что хлеб — такой же конечный продукт производства, как и холст, ткань, поспешно изготавливаемая во время брянской игры в «Кострому».

В процессе изучения «Костромы» удалось найти ряд косвенных доказательств того, что сохранившийся «производственный процесс» был органической частью обрядности, а не механическим соединением с хороводной игрой «Уж я сеяла ленок»: в этом хороводе, как и во всякой хороводной игре, дело начиналось с имитации посева льна. В брянских же играх производственный процесс начинается с момента получения прядева, когда стебли льна уже раздавлены и разделены на прядево и костру. Именно в этот момент появляется костра — Кострома — и, разумеется, тяжело больная.

Другим косвенным доказательством связи имени Костромы с кострою³ является наличие у Костромы второго имени в дорожковском варианте — Хоботья Аксеновна.⁴ Имя это то

¹ Н. Гаген-Торн. Доклад «Обрядовые полотенца у народов Восточной Европы» в Ин-те Этнографии АН СССР 10/VII 1946 г. Об обыденных (изготовленных в один день) полотенцах см. у Д. Зеленина «Обыденные полотенца и обыденные храмы». «Живая старина», вып. 1, 1911.

² А. Афанасьев, цитир. работа. т. I, стр. 237.

³ Лингвистов смущает окончание *ма*, но ведь украинский Кострубонько не имеет этого окончания, а корень слова здесь тот же — *костр*.

⁴ Что касается отчества Костромы (Аксеновна), то возникает пред-

же до сих пор не встречалось ни в одном из описаний «Похорон Костромы». Из словаря Даля мы узнаем, что хоботье в Орловской, Смоленской и Курской областях означало мякину, то есть продукт вполне аналогичный костре — шелуху, отруби хлеба (при отсеивании зерна мякина ложится хвостом — хоботом¹ по другой стороне веялки). Быть может, в древности костра и хоботье было синонимы. Имя Хоботья указывает и на переплетение льноводческой обрядности с хлебопашеской (как известно, игра в «Кострубонька» более ощутимо связана именно с хлебопашеской обрядностью). Надо напомнить, что костроу, в свою очередь, стали называть сорняки хлебов.

Такое же переплетение «зерновой» обрядности с «льноводческой» можно было заметить и в других остатках местных поверий. Играть на кувиклах старики разрешали, по одним данным, лишь тогда, когда зацветает рожь,² а по другим — с «Десятой Пятницы», — праздника, связанного в прошлом с культурой льна. Параскева-Пятница — народная покровительница льна, прядения, заменившая, видимо, в эпоху утверждения христианства позабытую ныне языческую покровительницу льна, какую-нибудь Берегынью или Ладу (древнее имя языческой богини, покровительницы льна, пряжи, переименованной в св. Параскеву-Пятницу, остается пока не уточненным).³

Детали культа Параскевы-Пятницы свидетельствовали, что святая эта отчетливо заменила собою языческую покровительницу льноводства, льна. Сам облик этой святой напоминал о льне, о кудели: роль Пятницы исполняла женщина с распу-

---

положение: не является ли имя Аксен христианским переосмыслением слова Авсень, Овсень и не напоминает ли последнее слово о культуре овса. (ср. формулу пона: «Во имя овса и сена и святого Хоботья!»).

¹ «Хобот» по-старорусски — хвост.

² По сведениям Н. Ф. Сумцова («Культурные переживания», изд. ред. журн. «Киевская старина», Киев, 1890), в бывшей Черниговской губернии играть на кувиклах разрешали с посева гречихи — «Кулинок» (26 июня).

³ «Берегынни» — древнейшие русские женские божества, известные из летописей. Слово «берегынни» происходит, повидимому, или от «берегу» (духов, охраняющих человека), или от «берег» (духов, живущих на берегах рек).

Русалки, с их зелеными пышными волосами, видимо, были в глубокой древности духами растительности, в частности, покровительницами обработки льна. «Русалки, — писал Д. Зеленин, — вообще имеют близкое отношение ко льну». («Очерки русской мифологии», вып. I, П., 1916, стр. 273.). Характерны поверья о том, что русалки вечно просят у людей сорочки; с этим связан обычай жертвовать им материи, тряпки (кстати, тряпки в Воронежской губернии назывались хоботьем).

Лада — женское божество, чествовавшееся весною, в пятницу. Видимо, именно она была языческой богиней, позднее, с распространением христианства переименованной в Параскеву-Пятницу.

В разных местностях и в разные эпохи основное женское божество наших предков имело, несомненно, разные названия. Общий смысл связанных с ним поверий и обрядности сохранялся, вероятно, более стойко (разумеется, с изменением форм сельскохозяйственной деятельности, постепенно менялся и он).

щенными волосами. По характерному поверью крестьянке, нарушившей главный запрет этого культа — не прясть, не ткать по пятницам, Параскева-Пятница явилась в виде женщины, одетой в белые льняные одежды и кинула ей в лицо горсть кострики (костры)¹. Праздник Пятницы — «общерусский народный праздник» — совершался недаром всегда у воды², то есть там же, куда относили и Кострому!

Не могу попутно не привести здесь следующее замечание академика Б. Грекова о древнем празднике Лады («Фоминим воскресеньи»): «В честь Лады праздновалась и Пятница — обычай, долго сохранявшийся на Украине, где недельным праздником было еще в XVI веке не воскресенье, а именно пятница, откуда и почитанье в русском народе св. Параскевы-Пятницы»³.

То, что нынешний припев многих песен — ладо — мог, действительно, иметь в древности значение имени какого-то духа, силы, божества, подтверждается, между прочим, и записанным мною в Рязанской области припевом весенней песни «Э-ой, чья-й то пашня пахана!» (вариант песни «А мы просо сеяли»). Вместо обычных в этом припеве слов «Ой, Дид Ладо» звучали странные, непонятные самим певцам — «Вери младу!». Нетрудно узнать в них древний обрядовый возглас: «Верим Ладу!»⁴.

Известный припев той же песни («Ой, Дид Ладо, сеяли, сеяли») указывает на мужской характер божества; это не исключает мнения о существовании параллельного женского образа Лады. И если слово Дид (дед) намекает на культ Рода — культ предков, то Лада, если соответственно отнести ее к этому же культу, будет одним из имен Рожаницы. Нет оснований божествам родового культа — покровителям плодородия семейного противопоставлять духов плодородия всей земли, покровителей растительности, в частности одного из важнейших для женщины сельскохозяйственного растения — льна.

Как нам кажется, изучение брянских вариантов приводит к данному выше объяснению их происхождения. Кроме того, оно заставляет отказаться от распространенного взгляда на похороны Костромы как на «провождение весны»⁵ или же признать, что «провождение весны» — позднейшее переосмысление древней льноводческой обрядности.

Следовательно, изучение столь хорошо сохранившихся брянских вариантов игры в «Кострому» дает право заключить: «Кост-

¹ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, 1865, стр. 233.

² Д. Зеленин. Цитир. работа, стр. 233.

³ Б. Греков. Киевская Русь, изд. 4. Госполитиздат, 1953, стр. 396.

⁴ Л. Кулаковский. Музыкально-этнографические заметки, «Советская музыка», 1940, № 8.

⁵ Таково обычное, традиционное объяснение «Похорон Костромы». В некоторых вариантах обряда (например, очень интересном самарском варианте) объяснение это весьма убедительно; оно опиралось как будто и на мнение самих участников игры.

рома» в глубокой, дохристианской древности была широко развитым и разработанным сельскохозяйственным обрядом, тесно связанным с основной женской работой — с культурой льна, изготовлением из него холстов¹. Глухие отзвуки этой древней обрядности записаны во многих областях. Не дает ли это право предполагать ее широкое распространение в прошлом?

Изучение брянских вариантов приводит также к выводу: само ритуальное действо было длинным и детально разработанным. Это позволяет установить смысл обрядности и ее связь с очень многими разрозненными поверьями.

Возникает вопрос: почему именно в Брянском районе в середине XX века удалось найти такие полные варианты древней обрядности?

Замкнутость брянщины, глухая стена знаменитых брянских лесов, издавна служивших надежной защитой всем беглым людям, холопам, дает ответ на этот вопрос. Сохранность в обследованных селах архаичной игры на кувиках также подтверждает исключительно благоприятные условия этих мест для сохранения пережитков глубочайшей давности.

В самые последние годы советскими археологами сделано открытие, бросившее новый, неожиданный свет и на игру в «Кострому»; оно прямо отвечает на поставленный выше вопрос и позволяет даже приблизительно датировать время пышного развития обрядности, отзвуки которой сумели докатиться до наших дней.

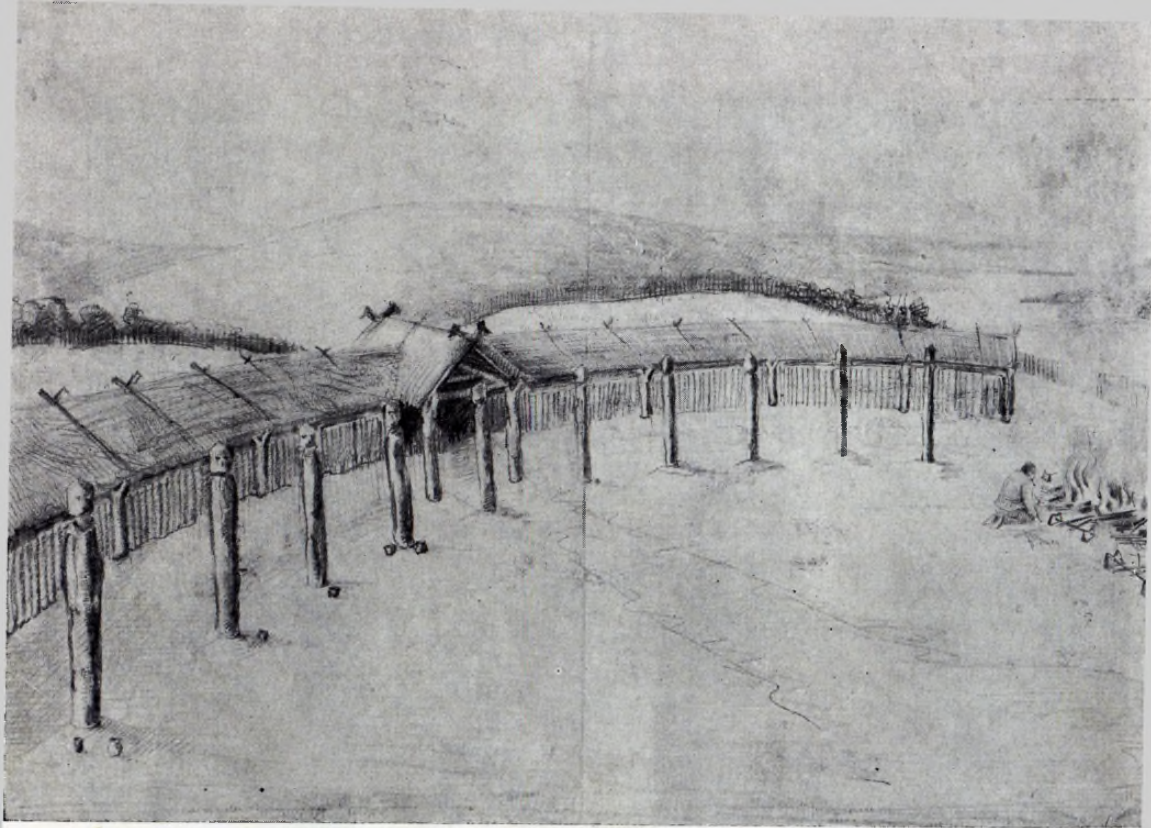
Я имею ввиду новейшие раскопки советскими археологами древнего городища Вщижа на правом берегу Десны (всего в двух десятках километров от Дорожева, от Домашева — еще ближе). Руководивший раскопками профессор Б. Рыбаков распознал на одном холме во Вщиже остатки древнего языческого капища и пришел к выводу, что капище это было весьма крупным, «общеплеменным», а главное, было посвящено женскому божеству, женскому культу (как предположил Б. Рыбаков, культу Берегини). Эпоху, к которой относилась деятельность этого капища, он определил периодом, примерно, с V века до нашей эры, кончая V—VII веками нашей эры.²

Открытие это, как мне кажется, объясняет все, остающееся неясным. «Кострома» в Домашеве и Дорожеве — это давно переосмысленные варианты сельскохозяйственной обрядности, центр которой в течение долгого ряда веков, быть может, целого тысячелетия существовал тут же, на берегу Десны. Именно

---

¹ В древности, может быть, и не льна, а крапивы. Напомню, что областное название крапивы — кострика. В старинной сказке Андерсена «Дикая лебедь» рубашке, сотканной из волокон крапивы, приписывается волшебное действие.

² Б. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур». «Древняя Русь». М., Госкультпросветиздат, 1953.

Древнее святилище во Вщиже.
(Реконструкция проф. Б. Рыбакова)

Показ «Костромы» в Доме Актера, декабрь 1940 г.

Фото С. Шингарева, 1940 г.

здесь каждой весной, с небывалой торжественностью проводилась (а может быть, была и создана) церемония похорон Костромы-Хоботьи, церемония изготовления оберега от нее — магической обыденной ткани и торжественные похороны Костромы в водах Десны. С распространением христианства древняя обрядность постепенно забылась, местами же была переосмыслена. Можно представить, однако, как развита и сильна была она здесь, если отголоски ее докатились до наших времен, свободно пройдя через тысячелетие после официального введения нового культа в Киеве¹.

Дорожевский и домашевский варианты «Костромы» — это первые ее находки вблизи древнего центра русской женской обрядности. Внимательные поиски фольклористов в других селах, расположенных недалеко от развалин древнего Вщижа, обнаружат, несомненно, еще немало вариантов игры в «Кострому» (под тем или иным названием), которые смогут подтвердить и углубить сделанные нами выводы².

---

¹ Собранные в брянских селах данные приводят в итоге к следующему уточнению генеалогии божеств древне-русских земледельцев:

Дух растительности, в частности хлебов, — это может быть Овсень: вряд ли обосновано отрицание явной связи понятий «овес» и Овсень (живущий в овсе). Он сочетается браком с богиней живительной влаги, воды — предшественницей Русалки, может быть Берегиней или Ладой. Их дочь, естественно, должна именоваться «Хоботья Овсеновна»; она — воплощение плодов земли. Воздействие (позднейшее) христианских святцев трансформировало ее отчество в «Аксеновну», а утверждение культуры льна (также более поздней культуры, чем культура хлебов, но во всяком случае — до-христианской) превратило Хоботью в Кострому, а у украинцев — в Костру-бонька.

² Экспедиция Ин-та Этнографии АН СССР обнаружила в послевоенные годы в одном из сел брянщины аналогичную игру в «Махоню». К стыду Института, игра эта осталась неопубликованной и даже неизученной...

Это тем более досадно, что слово «Махоня», быть может, происходит от имени древней богини Мокошь — богини и-пряхи; по мнению некоторых исследователей, в христианских святцах Параскева-Пятница заменила не Ладу, но именно Мокошь.

Попутно обращая внимание на то, что ближайшее к Вщижу село на левом берегу Десны, всего в шести километрах (то есть еще ближе к Домашеву и Дорожеву), носит название Ржаница. Это — почти точное воспроизведение имени другого древнерусского божества — Рожаницы. Не было ли древнее святилище — после уничтожения во Вщиже — перенесено на левобережье в лес (левобережье вплоть до Десны и поныне покрыто лесом) и не отражает ли нынешнее название «Ржаница» имени женского божества, святилище которого здесь находилось?

«КОСТРОМА» КАК НАРОДНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВО

Я уже писал, что дорожевская и домашевская «Кострома» поражала зрителя прежде всего самобытностью народно-театрального действия. Наличие в нем отзвуков древней обрядности было выяснено позднее.

Домашевский вариант, более древний чем дорожевский, особенно напоминает силуэт древнего, театрализованного по форме ритуального действия. Сопоставление обоих вариантов дает возможность как бы наблюдать самый процесс перерождения ритуального, театрализованного по форме обряда в театральное представление. Этот момент в становлении театра, по признанию историков, был самым неясным.

Домашевская «Кострома» — это театральное зрелище, сохранившее почти полностью форму обрядового действия. Смысл этого действия, давно позабытый, сохранился в быту по инерции, а также благодаря своей художественной занимательности, хотя и элементарной. Поверья, связанные с этим обрядом, вероятнее всего позабылись не так давно, возможно, всего несколько поколений тому назад¹.

Домашевская «Кострома» особой популярности в своем селе не имела. Трагедийный характер обряда, его неразработанная форма оказались бесперспективными. В данном случае интересно провести аналогию с самарской «Костромой», представляющей наполовину обряд, наполовину театральное действие: самар-

---

¹ В этой связи интересно отметить, что, по признанию певцов, в Домашеве еще недавно были две игры, имевшие обрядовое значение. В 1956 г. от семидесятилетней женщины — А. М. Финогововой, родившейся и выросшей в Домашеве, удалось узнать текст одной из песен — хороводной игры «Кистайки» (хождение «подковкой» вокруг трех женщин). Начальные слова этой песни, действительно, говорят о ее древнем происхождении: «Зеленая Марья-Кистайка в зеленой лозе стояла, всего много видала»... Другая песня — «Курган» — связывается с существующим в Домашеве древним курганом...

ская «Кострома» сохранила трагедийный характер, но оказалась более разработанной по форме: два лица, мимически действующие, — Кострома и Смерть (их борьба, перемежающаяся с пением хора).

Дорожевская «Кострома» раскрывает перед нами следующий этап развития народного театра. Она наглядно демонстрирует перерождение в хороводную комедию ритуального, трагедийного по смыслу действия. Пользуясь фрезеровской терминологией¹, можно сказать, что на полусохшем стволе некогда могучего дуба русской обрядности выросла и развилась пышная «золотая ветвь» омелы — театральное, игровое действо.

Дорожевская «постановка» обращает внимание своими развитыми формами действия: она включает до пяти-шести действующих лиц², более сорока хороводных эпизодов и длится свыше часа на «арене», образованной громадным хороводом из сотни девушек и женщин, в свою очередь окруженных тесной толпой зрителей. Таковы были масштабы этого народного зрелища, ежегодно собиравшего на дорожевскую площадь «всех живых и полумертвых» жителей села (приезжали и из соседних сел, даже из г. Бежицы).

Дорожевская «Кострома» — великолепное подтверждение и иллюстрация знаменитого высказывания Пушкина: «Драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения» («О драме»).

Удивляет последовательность и систематичность, с которой предки дорожевцев переработали древний обряд и, сделав несколько решительных шагов по пути дальнейшей театрализации его, создали свою веселую, местами даже сходную с фарсом комедию. «Производственный костяк» обряда (изготовление холста) был ими оставлен, но Кострома «оздоровлена», поставлена на ноги, ей были переданы все функции матери Костромы (персонаж этот в Дорожеве был упразднен).

Кострома, таким образом, умерла в сознании дорожевцев как воплощение стихии, олицетворение льна, костры, как дочь Русалки или Берегини и воскресла на площади села как веселая, озорная актриса, «протагонистка» русского народного театра (актриса русского народного театра появилась, следовательно, раньше актера).

Легко понять, что «оздоровление» Костромы круто переменяло весь «лад» пьесы, переведя его из «минора» в «мажор». Умиравшая Кострома бросала ранее мрачную тень на все действо. При сохранении этого трагедийного персонажа были неуместны какие бы то ни было шутки, комикование, веселье. «Оздоровление» Костромы привело к бессмыслице с точки зрения обряда, но из обломков его получилось веселое зрелище.

¹ Д. Фрезер. Золотая ветвь. ОГИЗ, «Московский рабочий», 1931.

² Сама Кострома, ее Муж, Невестка, Фельдшер, Поп и Кума из хоровода.

Ожившая «Кострома» стала уверенно сплетать новую логическую нить несложного сюжета новорожденной пьесы. Внутренний стержень обряда — интерес к здоровью умирающей Костромы — исчез. Неуместный более вопрос «Как жива твоя Кострома?» был заменен игровым — «Что она делает»? (Примечательно, этот вопрос тождествен с записанным в детских играх в «Кострому»).

На смену позабытой ритуальной причине болезни пришло ее бытовое переосмысление: Кострома заболела, обвевшись. Так возникли веселые сценки пиршества Костромы с ее родными (Невесткой, Мужем) и сценки «лечения» ее «Фершалом». Как удалось установить, сценки эти игрались на площади в чисто фарсовом плане («осмотр» и «выслушивание» больной «Фершалом», ее комикование от «болей в животе»). Неудачное лечение «Фершалом» и удачное вмешательство Попа (пародийно обыгранное «подзаборование») внесли в пьесу элементарные «перипетии», отсутствовавшие в ритуальной схеме обряда. Это привело к введению новых персонажей.

По-видимому, в самую последнюю очередь в «Кострому» были введены мужчины (роли знахаря — «фершала» и попа в недавнем прошлом исполняли женщины). Первоначально же на основе женского обряда возникла и женская пьеса (мужчины и поныне почти не имеют своих реплик, играют большею частью мимически — как в хороводе).

Перерождение обряда в спектакль оказалось таким глубоким и последовательным, что изменило даже жанр постоянно повторяемого хорового припева. Текст и мелодия его почти не изменились, но темп ускорился, четко обозначился двудольный размер, а дружные ритмичные хлопки и присвистывания довершили превращение тягучего ритуального возгласа в бойкую плясовую. Выздоровление Костромы после ее «подзаборования» естественно завершило «пьесу» веселой плясовой песнею. Весьма характерно, что, по воспоминаниям участниц, песня эта в прошлом была типично скоморошья, «алилешная» — «Ой, Ягор-Ягорушка». Уже в этом столетии она была заменена более четкой, легкой и простой «Как на горке, на пригорке» с традиционным припевом «Барыня ты моя...». Попутно были введены и пляски.

Так создались контуры современной дорожневской «Костромы», еще сохранившей по инерции хороводный круг, деление на короткие эпизоды, «производственный процесс», но вполне оформившей свое театральное бытие.

Существовавшие в разных областях детские игры в «Кострому», судя по отдельным деталям этих игр, иногда ведут свое происхождение от комедийно переосмысленного обряда.

Еще более отчетливо говорит нам о таком же переосмыслении текст песни о Костроме, записанный в XIX веке во Владимирской губернии:

Как Костромин-то отец
Стал гостей собирать,
Большой пир затевать.
Кострома пошла плясать,
Костромушка расплясалась,
Вина с маком нализалась.
Вдруг Кострома повалилась,
Костромушка умерла¹.

Судя по этой песне, в других местностях России также наблюдалась тяга к комедийному переосмысливанию широко распространенного обряда, смысл которого был уже забыт.

Для исследователя русского народного театра большой интерес представляет изучение всех особенностей дорожевской игры в «Кострому». Импровизационность ее исполнения заставляет вспомнить о приемах итальянской *commedia dell'arte*. Свободно, творчески варьируя реплики, отдельные действия, участницы «Костромы» играют ее с детской непринужденностью, играют для себя, как и для зрителей, часто втягивая их в игру. «Я, — вспоминала А. Васюкова, — когда ехала за попом (попа привозили верхом на палочке из соседней хаты — Л. К.) всех по ногам хлестала».

Стиль игры — прихотливая смесь натурализма с гротеском. Все деловые реплики подаются с полной серьезностью. Разговаривают живыми, искренними интонациями. С точностью, серьезно передают они все «производственные» жесты знакомой с детства работы (имитация обработки прядева, пряденья, тканья и пр.). Но как только дело доходит до болезни, Кострома начинает «комиковать», приближаясь к гротеску (особенно в фарсовых сценках с фельдшером, несколько более «обстоятельно», чем это нужно, «осматривавшем» больную).

«Реквизит» дорожцев был несложным: палочки, нитки (вместо пряжи, прядева), куча соломы (раньше, когда пряли лен, ворох костры) для подстилки Костроме — нечто вроде эстрады. Вывороченный тулуп, рваная шапка и крест из лучин для попа; щепоть соли — лекарство для «фершала» и т. п. Характерно, что основные исполнительницы Костромы — женщины не моложе 30 лет. Наиболее опытная, основная заводила игры в «Кострому» и запевала — А. П. Васюкова (род. в 1883 г.). Следует отметить, что дорожцы упорно подчеркивали независимость своей «Костромы» от домашней: «Мы их «Костромы» не чулы», — говорили они («Мы про их «Кострому» не знаем, а они — про нашу»).

Последний вопрос, который возникает перед исследователем дорожевской «Костромы», — это вопрос о времени ее возникновения, времени переработки обряда в комедийное действо.

¹ См. в цитированной работе Е. Добрынкиной стр. 100—101 или П. Шейн. Великорус, вып. 2, текст № 1257, СПб., 1898

Некоторые данные наталкивают на мысль об участии в этой переработке «веселых людей» — скоморохов. Дело в том, что «Кострома» в Дорожеве по перушимой традиции играетс я всегда в том «конце» села (на той улице), который называется Сурнаевкой. Совершенно очевидно, что в далеком прошлом здесь было поселение музыкантов — сурначей (сурна в России — старинное название трубы). А как известно, скоморохи были прежде всего музыкантами¹. Существование поселения музыкантов в гуще брянских лесов позволяет предположить, что это был посёлок беглых скоморохов, вынужденных спастись от преследования церкви, которая в XVI, а особенно в XVII веках добивалась их изгнания из Москвы, нещадно преследовала, сжигала их инструменты и пр.² Следует отметить, что в песенном фольклоре Дорожева сохранилось много отзвуков скоморошьяго искусства. В песнях часты упоминания о «молодых скоморохах» и их инструментах — волынках, гудках, гусях (сами певичы не понимают смысла этих слов). О продолжении традиций скоморошьяго искусства говорит четкая ритмика ряда песен, разнообразие «скакульных» (плясовых) песен, танцевальная одаренность участниц и их редкостная тяга к театрализации хороводов. Некоторые напевы дают основание предположить, что они были созданы в расчете на бурдонное сопровождение (на волынке, гудке и пр.). Все это заставляет думать, что именно скоморохи имели отношение к переработке старинного обряда в веселую, комедийную игру. Об этом говорит и антицерковная направленность сценки с попом: у скоморохов, как указывалось выше, были старые счёты с церковью.

Однако, если предположить, что дорожевская переработка «Костромы» ведет свое начало от XVI—XVII веков, становится непонятной сохранность в этой игре многих обрядовых деталей (имя «Хоботья», подстилка из костры, наконец, весь «производственный процесс»), уже ненужных в комедийном зрелище. Детали, естественно сохраняемые в обряде, вряд ли могли столетиями оставаться в хороводной комедии, и можно говорить о более позднем переосмысливании обряда в комедию, восходящем к XIX веку. Воспоминания старейших участниц свидетельствуют о том, что «Кострома» в Дорожеве игралась в данном виде уже более 50-ти лет. Таким образом, на пороге XX века она уже была комедийным действием³.

Когда бы ни была создана дорожевская «Кострома», ее значение для нас, для истории русского театра не меняется. Перед

---

¹ О «музыкантском» происхождении села говорит и обычай называть певич и исполнительниц на кувиклах «игрухами» (ср. древнерусское «игрец» — музыкант).

² Как известно, в результате такого изгнания «веселых людей» на окраины Руси, на далеком севере возникли многочисленные деревни с названием «Скоморохово».

³ Запись приведенной выше песни о «Костроме» показывает, что коме-

нами чуть ли не единственный образец возникновения, на почве древней обрядности, вполне самобытной народной русской хороводной комедии. Надо надеяться, что историки русского театра поймут это и глубоко заинтересуются «Костромой», которая заслуживает специальной, развернутой монографии, точной, полной записи и, разумеется, киносъемки в натуре на площади древней Сурнаевки.

дйное переосмысливание обряда известно было значительно ранее. О том же свидетельствуют и детские игры в «Кострому», записанные местами уже сотню лет назад (некоторые из них явственно происходят из «Костромы», уже переработанной, как в Дорожеве, в веселое хороводное действо).

БРЯНСКИЕ КУВИКЛЫ

Изучение культуры игры на кувиклах вводит нас в древнейший период развития музыкального искусства дорожцев и, вероятно, всего вообще русского музыкального фольклора. Эта культура, вне всякого сомнения, зародилась тысячелетия назад, быть может даже в эпоху каменного века. Еще в античной Элладе, две с половиной тысячи лет назад пастушеским инструментом считалась флейта Пана. Культура того времени была довольно высока, а сама флейта Пана, судя по многочисленным изображениям, все же сложна (в ней было до 7 стволков). Архаичность флейты Пана наглядно демонстрируется также и тем, что ее можно найти в числе музыкальных инструментов многих отсталых народов.

Внимательное изучение игры на кувиклах также убеждает, что этот реликт глубокой древности резко выделяется на фоне других «слоев» музыкальной культуры села.

Флейты Пана под разными названиями сохранились у немногих народов СССР. У русских этот инструмент считался уже исчезнувшим из быта, однако, как было сказано выше, года за три до «открытия» брянских кувикл, профессор К. Квитка решил проверить один старый след и, на основании заметки семидесятилетней давности, поехал в Курскую область. Расчеты оправдались: в нескольких селах (Плехове, Гахове и др.) он нашел флейту Пана под именем «кугикл». Игра на них здесь оказалась не только не забытой, но и пользовалась широким, почти массовым распространением. Кувиклы были распространены здесь не менее чем гармоника и скрипка, с которыми они соединялись в самые неожиданные ансамбли.

Брянщина — второй центр русских флейт Пана. Прimitивность, архаичность культуры брянских кувикл позволяет рассматривать эту культуру как подлинное начало развития инструментальной музыки. Самые простые песни дорожцев по сравнению с этой культурой кажутся сложными, высоко организованными произведениями. Кувиклы, игра на них — это один

из самых нижних «слоев» в многослойном культурном наследии современной русской деревни.

Записывая музыку игрух на кувиклах («игрухами» здесь называют одинаково и певиц и инструменталисток), слушая их рассказы, наблюдая за изготовлением кувикл, я смог заметить, что тысячелетняя практика игры на этом инструменте привела к созданию неписанного кодекса правил, навыков, приемов исполнительства, подробной терминологии, чуть ли не особой, народной исполнительской школы.

Из всех известных в фольклористике флейт Пана дорожьевские, несомненно, самые примитивные. Они состоят всего из двух стволов, не связанных друг с другом. Для сравнения напомним, что описанные К. Квиткой курские кугиклы состоят из 3 или 5 стволов, а флейта Пана на древнегреческих статуях, как уже упоминалось, еще более сложна (включает до семи аккуратно связанных стволов, то есть на ней можно взять 7 разных звуков; передуваний при игре не было). Уже в этом ощущается тысячелетняя древность дорожьевской инструментальной музыки.

Удалось выяснить, что существовали поверья, ограничивавшие время игры на кувиклах, ее начало и конец в каждом летнем сезоне. Поверья были связаны с циклом сельскохозяйственных работ в поле: уборкой хлеба и льна. Начинать игру на кувиклах старики разрешали не раньше, чем зацветет рожь («чтобы колос пустой не был») или не раньше «Десятой Пятницы»; когда начинали сеять озимые (после «Фролова дня», 31 августа) — играть запрещали. Поскольку игра на кувиклах почти всегда сопровождается пляской, можно предположить, что древние ограничения игры на кувиклах имели более общий смысл и означали запреты всякого праздничного веселья во время особо ответственных фаз сельскохозяйственных работ.

Итак, дорожьевские кувиклы — это две закрытые с одной стороны трубки (полые стебли лугового зонтичного растения)¹ длиной 8—18 см. Из каждой дудки можно извлечь только один звук (боковые отверстия отсутствуют), высота звука колеблется между ля¹ и си бемоль². Игруха держит у рта две дудочки и, прикладывая губы то к одной, то к другой (рука неподвижна, двигается голова), может извлечь из своих кувикл всего 2 разных по высоте звука.

Брянские кувиклы, как и курские, используются только в

---

¹ Растение это, видимо, — дягиль, дудник лесной (*Angelica silvestris*) или «купырь лесной» (*Anthriscus silvestris*); местные названия его — «цво-лы», «стволы», иногда «попури». Знание местных названий растения, из которого делают кувиклы, имеет не только «академический интерес». Одно название (домашевское) — цамбух — яственно напоминает о древнегреческом названии трубы (самбук). Поскольку дягиль в ряде местностей называется дудником, дудкой, дудочной травой, можно предположить, что в ряде местностей, где сохранилось такое название (например, в Вологодской, Калининской и др. областях), раньше также бытовала игра на кувиклах.

ансамблях, так как слабый звук и предельная ограниченность звукового состава делают невозможным игру на кувиклах в сольном исполнении. Ансамбль кувикл — это три-четыре, даже больше игрух — играют исключительно женщины; по-видимому, кувиклы — чуть ли не единственный чисто женский музыкальный инструмент¹.

Игра на кувиклах своеобразна и в то же время монотонна. В настоящее время дорожницы исполняют на них только одну «пьесу», аккомпанируя пляске:

Умеренно ♩ = 90

Расшифровка В. КРИВОНОСОВА

X — знак выкрика спаукающих

¹ Мне удалось услышать бытовое народное объяснение этого факта от одного пожилого колхозника, сказавшего: «Только женщины работают на поле группами, мужчины же чаще — поодиночке». Поэтому игра на кувиклах, требующая обязательного ансамбля, могла возникнуть и утвердиться только у них.

Слабый, скрипящий, несколько глуховатый звук кувикл напоминает по тембру короткие, отдаленные гудки или свистки. Неизменно и бесконечно повторяемая, простая по ритму попевка сопровождается отрывистыми возгласами «га», «а» или «гау» на сильных долях такта, выкрикиваемых частью исполнителей. Часто в музыке кувикл можно различить звуки, лежащие в основе русского названия инструмента: **ку-и**, **ку-ги** слышится во время игры¹.

Игра на кувиклах обычно сопровождается целым «ударным оркестром»: ритмичными ударами в ладоши, топанием ног, свистом, «иханьем». В этом окружении музыка на кувиклах, исполняемая обычно в оживленном темпе, четком двудольном метре, действительно, производит впечатление плясовой.

Способ изготовления кувикл крайне прост. Женщина выламывает два ствола дудника, растущего в лесу или в поле, один — потолще, другой — потоньше и в дальнейшем орудует только «когтями и зубами» — по крайне характерному определению дорожников, обгрызая или обламывая край дудки, сглаживая ее неровности быстрым и осторожным трением края о воротник холщовой рубахи или рукав. Две кувиклы называются «парой»: более крупная — толстая и длинная — «гудок», более короткая и тонкая — «подпищик»². По длине дудочки отличаются друг от друга, примерно, на толщину пальца; интервал между тонами, издаваемыми гудком и подпищиком, бывает разным: от большой секунды до уменьшенной квинты.

При изготовлении набора кувикл для целого ансамбля (это делают более опытные игроки) начинают обычно с самой круп-

¹ В Брянском районе, как и в Курской области, название «кувиклы» объясняют именно как звукоподражательное; (ср. «кувякать» — плакать, «кугакалка» — ребенок); объяснение К. Квитки (от слова «куга» — тростник) мне кажется натянутым и менее вероятным.

² В местном произношении «подписьчик».

ной кувиклы — гудка; размеры кувиклы подбираются на-глаз: подпищик должен быть потоньше и покороче гудка.

В дальнейшем весь ансамбль играющих обычно разбивается на две группы. У игрух одной группы кувиклы настроены одинаково, в разных группах — по разному. Таким образом, общий звукоряд всего ансамбля состоит из трех-четырёх разных по высоте звуков. Так, например, в приведенной записи ансамбля игрух кувиклы одной группы издавали тоны до² (гудок) и ре² (подпищик), а другой группы — ре² (гудок) и фа² (подпищик), с общим звукорядом до² — ре² — фа².

Обе группы играющих отличаются одна от другой не только строем кувикл, но и тем, что участницы одной группы чередуют свою игру с ритмичными (на сильных долях такта) возгласами «га», «а», усиленными резонансом той из кувикл, которая в момент возгласа находится у рта игрухи. Такие возгласы называются в Дорожеве «спауканьем» и являются весьма архаическим приемом игры (см. верхний нотоносец на стр. 42 и 43). Другая группа игрух «спередергавает» или «трясет»¹ — издает звуки на кувиклах, не перемежая их никакими возгласами (игра их записана на нижнем нотоносце).

Игру на кувиклах всегда начинают «с передергом», после чего вступают «спаукальные» (см. запись на стр. 42). Каждая игруха повторяет неопределенное число раз одну и ту же фигуру — мотив. Он так прост и так мало варьируется, что по записи бывает трудно разобраться — играет одна женщина или несколько. Мотив спаукальных более сложен по ритму, более варьируется. Эти вариации надо приписать трудности спауканья (умеющих спаукаль значительно меньше, чем спередергавать) — равномерного прерывания игры возгласами, обязательно над одной и той же кувиклой (в Дорожеве — над подпищиком)².

Любопытно, что в Дорожеве все игрухи звукоподражательно «переводят» свою игру с передергом слогами **ил-ли-пу**, а со спауканьем **ил-ли-пә**. Эта слоговая «расшифровка» наигрышей на кувиклах свидетельствует, видимо, о неизменности исполняемых ритмических фигур (с ударением на конце), а кроме того об инстинктивном ассоциировании более высоких звуков с гласной **и**, более низких — с гласной **у**; в слогах **ил-ли-пә** отмечено спауканье, иначе «пәпканье», которым кончается каждая ритмическая фигура у спаукающих.

Так как те же гласные лежат в основе русского названия инструмента (ку-ви-кла), представляется вероятным следующее

---

¹ Названия эти, очевидно, произошли оттого, что исполнительницы во время игры держат кувиклы неподвижно у губ (чаще левой рукой), головой же быстро «дергают», «трясут» так, что губы приходится то над гудком, то над подпищиком.

² Иногда и над гудком. В одном случае указывали, что иногда уславливаются, что одна спаукальная будет спаукать в «гудок», другая — в «подпищик».

соображение: в древности название инструмента выражало его основную особенность — сопоставление 2-х разных по высоте звуков, как бы означающее «низкий» и «высокий» звуки, извлекаемые каждой парой¹.

Сказанное выше помогает уяснить задачу «подстройки» кувикл для целого ансамбля. Игрухам приходится подстраивать в унисон все гудки и все подпишки в пределах одной и той же группы. Подстройка такая производилась и в нашем присутствии; чистые унисоны достигались очень быстро. Необходимость такой подстройки кувикл весьма благоприятствует первичному осознанию звуковысотности. При подборе кувикл основное внимание игрух направлено на тембр кувикл (чтобы звук был громким и ясным, не слабым, «прозористым»)² и на легкость звукоизвлечения (чтобы легче было играть).

Изготовив несколько пар «спередергаванных» кувикл, игруха принималась за изготовление пар «спаукальных». При этом выявлялось еще одно правило: кувиклы спаукальной пары должны быть немного «потоньше»³ спередергаванной. Важно отметить, что осознанным соотношением звуковысотности является только унисон между одноименными кувиклами одноименной группы (например, у всех гудков спередергаванных). Все остальные соотношения приблизительны и определяются по размерам «на-глазок». Именно поэтому каждый новый комплект кувикл в Дорожкеве имеет иной строй и звукоряд. В четырех обследованных мною комплектах кувикл встретились следующие звукоряды:

	Спередергаванные		Спаукальные	
	Гудок	Подпищик	Гудок	Подпищик
I комплект				
II комплект				
III комплект				
IV комплект				

¹ Напомню, для сравнения, что и название «фортепьяно» тоже возникло как обозначение характерной особенности звучания данного инструмента: «громко» — «тихо».

² «Кувикла — что надо, а звону в ней нет», — говорила мне одна игруха о кувиклах со слабым или слабым звуком.

³ При подстройке кувикл слова «потолще» и «потоньше» постоянно применяются и в прямом и в переносном смысле, имея в виду толщину дудок и высоту звуков. Отсюда вопрос: не произошло ли общерусское название

Особенно важно, что различие строя не осознавалось игрушками. Я убедился в этом, когда принес одному ансамблю дорожеских игрух, привыкших к кувиклам со строем $до^2$ — $ре$ и $ре^2$ — $фа^2$, другой комплект, на котором они никогда не играли и который был совершенно иным по интервалам: $ля$ $диез^1$ — $ми^2$, $до$ $диез^2$, — $фа$ $диез^2$ (пониженное).

К моему изумлению, игрушки не только не забраковали эти кувиклы, но дружно одобрили их за звучность и ясность тембра. И тут же, по собственному почину, сыграли на них. Это были самые опытные игрушки, «заводилы» всего села — музыкальные, знающие много старинных русских песен того типа, к какому относятся, например, записи Римского-Корсакова, Балакирева. Одна из участниц этого ансамбля только накануне проворно изготовила целый комплект кувикл, выявив хороший слух, легко добываясь чистых унисонов одноименных дудок.

Этот почти случайно поставленный опыт, так же как и непосредственные наблюдения над отбором кувикл при изготовлении отдельных пар окончательно убедили меня, что строй кувикл в Дорожеве — явление весьма приблизительное, непостоянное, о котором следует говорить совсем в другом смысле, чем о строе тамошних песен.

У брянских игрух осознание звукоряда инструментальной музыки — игры на кувиклах — неизмеримо уступает инстинктивному ощущению лада песни (вокальной мелодии). Игра на кувиклах, по-видимому, сохранила здесь формы «первобытного атонализма», если можно так выразиться. Осознание строя кувикл существует лишь в зачаточной форме. Игрушки, быстро изготавливая свои нехитрые инструменты, играют на них лишь летом, потом выбрасывают, не сохраняя на зиму. Это обстоятельство, конечно, препятствует стабилизации строя кувикл и его осознанию.

В силу всего нами сказанного, игра на кувиклах никогда не аккомпанирует в Дорожеве пению; музыка песен, более гибкая, естественно эволюционировала, тогда как наигрыши на кувиклах «задержались» на архаически древней стадии; и сейчас это — два разных, самостоятельных и не смешивающихся «слоя» музыкальной культуры села.

* * *

Необычная сила традиции, сохранившей в крестьянском быту музыкальную культуру тысячелетней древности, выявляется также и в независимости культуры кувикл Дорожева и соседних сел. Ближайшее из них — село Домашево, всего в пяти километрах от Дорожева, за перелеском. Правда, как уже было сказано, исторические условия жизни в обоих селах были неодинаковы.

высоких звуков тонкими, низких — толстыми в связи с древней культурой игры на кувиклах, имевшей широкое распространение?

наковы: в Домашеве, по воспоминаниям, был помещик, существовало крепостное право. Но родственные отношения издавна связывали оба села. До войны старшеклассники-домашевцы ежедневно ходили в дорожевскую школу (в 1940 г. в Домашеве была только четырехлетка, а в Дорожеве — семилетка). И тем не менее во время краткого (двухдневного) выезда в Домашево удалось обнаружить самостоятельность всех видов «художественного наследия» — в Домашеве существовали и игра в «Кострому», и сходные песни, и кувиклы, но они имели иной характер.

Опишу вкратце домашевскую культуру кувикл.

По приезде к ним выяснилось, что у тех женщин, к которым меня направили дорожевцы как к опытным игрокам, не сохранилось в запасе кувикл (был март месяц). Недолго думая, домашевки бросились в рошу, принесли оттуда ветки кустарника и на моих глазах сделали «зимние кувиклы». Это были, как и следовало ожидать, ветви бузины с ее легко удаляемой сердцевинкой. Самое интересное, что домашевцы называли ее «цамбух», что соответствует латинскому названию бузины (*Sambucus*) и названию древнегреческого духового деревянного инструмента самбука¹.

Если высота звуков дорожевских кувикл находилась в прямой зависимости от длины дудочки, то в «готовых к употреблению» домашевских кувиклах дудочки почти одинаковой длины издавали разные по высоте тоны. Объяснилось это очень просто: внутренние каналы, из которых была удалена сердцевина, были разной длины. Это наблюдение заставило вспомнить древнегреческие статуэтки Пана с его флейтой, все 7 трубочек которой в некоторых случаях были одинаковой длины. При равной длине всех трубок каналы с удаленной сердцевинкой, конечно, были разной длины. Строение домашевских кувикл позволяет предположить, что древнегреческие флейты Пана также, по-видимому, делались иногда из ветвей бузины.

Другой, еще более интересной особенностью домашевских кувикл было то, что каждая участница ансамбля играла не на двух, а на трех кувиклах, также не связанных друг с другом. Названия их были несколько иными: гудок (самая низкая по тону), середянка и мезьянка (самая высокая по звуку и самая меньшая по размерам). В двух последних названиях, неизвестных в Дорожеве, нетрудно узнать родство с на-

¹ В XVI веке в России самбия отождествлялась с цевницей (деревянная флейта, может быть флейта Пана). Проникновение в брянские леса этого культурного названия указывает на вмешательство профессиональных музыкантов тех лет — скоморохов.

В «Очерках по истории музыки в России» Н. Финдейзена, вып. I (М., Гос. изд-во, Музсектор, 1928, стр. 184), цитата из Азбуковника XVI века: «Род же мусикии: трубы, свирели, еже и пеголами наречутся, песневец, рекше псалтырь, самбия, еже естъ цевница, киниры, сиречь лыри, тимпаны, кимбалы».

Сводку сведений о кувиклах см. в том же выпуске, стр. 205—208.

званиями курских кувикл («кугикл», как там произносят): гудок, гудзень, середяка, четвертака, мизютка — в пятиствольном комплекте. Они, в свою очередь, напоминают о наименовании пальцев (среднего, четвертого и мизинца). Самой маленькой из кувикл подходит название «мизинца», весьма отчетливо сохраненное в курской мизютке, но, видимо, позабытое в домашевской мезьянке (размеры внутренних каналов домашних кувикл — 8,5 — 20,5 см)¹.

Интересно, что в Домашеве комплект из трех кувикл тоже называется парой. Отсюда можно заключить, что ранее здесь, как и в Дорожеве, играли на двух кувиклах. При увеличении их числа старое название было сохранено, хотя и утратило свой смысл.

Понятию «спаукать» в Домашеве соответствует «папкать», папкают обычно над середянкой — средней кувиклой. В Домашеве, в отличие от Дорожева, папкальные кувиклы настроены относительно ниже, чем «трясухи». Общий охват звуков домашевского комплекта кувикл превышает октаву — трясухи: *ми*² (гудок), *соль*² (середянка), *ля*² пониженное (мезьянка); папкальные: *ля*¹, немного пониженное (гудок), *ми*², повышенное (середянка), *си бемоль*² (мезьянка).

Звукоряд состоит уже из 5 разных звуков: *ля*¹ (пониженное), *ми*², *соль*², *ля*², *си бемоль*²:

В обоих селах культура игры на кувиклах находится в фазе затухания. Играют на кувиклах редко. Игрух осталось немного и все это женщины старше 33 лет. Молодежь не удовлетворяется примитивным и трудным по звукоизвлечению инструментом и часто почти не знает его. Негромкие звуки кувикл чаще всего раздаются во время покоса. На полях, быстро смастерив незамысловатые «флейты», женщины дружно играют в минуты до-

¹ По внешним размерам домашевские кувиклы значительно менее чем дорожеские, отличаются друг от друга: 15 см — 20,5 см.

Игра на кувиклах

Играют (слева направо). А. Ф. Желтова, М. Ил. Васюкова, Е. Д. Васюкова, А. П. Васюкова, Е. Ф. Симонова, М. Ив. Васюкова. Пляшут М. Т. Финогенова (слева) и Е. И. Жабина.

Фото С. Шингарева, 1940 г.

Хор дорожевцев в Москве.

Слева направо: М. Ив. Васюксова, Е. Д. Васюкова, Н. А. Алешин, Е. Ф. Симонова, Д. И. Сбродов, А. Ф. Желтова, М. Т. Финогонова, Г. Я. Симонов, А. П. Васюкова, Н. С. Жигаленков, М. Ил. Васюкова и Е. И. Жабина.

Фото С. Шингарева, 1940 г.

суга или вечером, возвращаясь в село. Играют и на улице, тогда уже среди игрух появляются и пляшущие (обычно двое).

В 1940 году, во время одной из поездок кувиклы удалось найти еще в одном «зарецком» селе Чернетове, расположенном за Десною, на ее правом берегу. Примечательно, что учительница, прожившая в селе 25 лет, уверяла нас, будто никаких кувикл она не знает и никогда не слыхала, как на них играют. Женщина, к которой нас направили как к заведомой игрухе, также скрывала это «предосудительное» занятие. Пришлось показать ей фотографии левец-крестьянок, опубликованные в журнале. Недоверчивость сразу исчезла. Женщина кинулась в избу, вынесла «пару» кувикл (также состоящую из 3 штук) и уже через несколько минут мы изучали ее игру. Примечательной особенностью в Чернетове оказалось умение женщин, дующих сразу в две смежные трубки, добиться своеобразного двухголосия при игре...

Не приходится сомневаться в том, что во многих селах брянщины при внимательном обследовании музыкального быта, удастся найти остатки игры на кувиклах и собрать важные сведения о формах и способах игры на них, имеющие большое научно-историческое значение¹.

Причины явного отмирания этой буквально реликтовой музыкальной культуры очевидны: архаика, чуждость песенной культуре, трудность звукоизвлечения, бедность звукооряда, относительно тусклый тембр. Однако ничего неизбежного в такой судьбе брянских кувикл нет. Это превосходно доказываются культурой курских кувикл, открытой и изученной К. Квиткой. В курских селах эта культура оказалась более гибкой, живучей, популярной. Кувиклы там более многозвучны («пара» включает у одних три ствола, у других — пять), строй их, видимо, более осознан. Поэтому кувиклы даже участвуют там в смешанных ансамблях. Древнейший русский духовой инструмент сопровождает там порою игру высшей представительницы струнных инструментов — скрипки (конечно, самодельной). О более высокой культуре курских кувикл свидетельствует, наконец, и интересное явление «мысленных текстов» исполняемых на кувиклах «песен». Бытуя лишь в единичных селах, кувиклы продолжают оставаться любимым массовым инструментом, способным отзываться на новые задания, быть с другими инструментами в ладу (в прямом и переносном смысле этого слова).

Во всех случаях трудно преуменьшить научное значение культуры кувикл, еще недавно считавшихся у русских полностью позабытыми.

---

¹ Во время экспедиций нам сообщили о бытовании кувикл (в прошлом, а может быть и в настоящем) в соседнем селе Соколове, в Меленковском, Песоченском (селе Воскресенском) и, наконец, Жиздринском районах. Проверить эти сведения пока не удалось.

ПЕСЕННОЕ ИСКУССТВО СЕЛА ДОРОЖЕВА

Во время первой экспедиции в Дорожево удалось записать (фонографом) несколько десятков старинных песен. Некоторые из них продолжали бытовать, их пела даже молодежь, например, лирическую песню «За рекою, матушка, гусли гудут».

В январе 1953 года удалось вновь посетить Дорожево. Село почти залечило тяжелые раны войны. В этот приезд в клубе ст. Сельцо было записано магнитофоном около сорока песен. В их числе были и записанные ранее, так что сравнение их расшифровок позволяет в некоторой степени судить об изменениях в музыкальном языке певцов за 13 лет. Одновременно были записаны (у молодежи) новые дорожевские частушки и несколько новых песен, бытовавших в селе в годы войны. По мелосу они резко отличаются от местного фольклора и примыкают частично к старым городским песням, частично к фронтовому фольклору, публиковавшемуся неоднократно. Удалось выяснить бытование в селе отдельных типов, жанров старинных песен, а попутно еще раз убедиться в угасании культуры кувикл, играть на которых молодежь совершенно не умела.

Крайне примечательно, что в Дорожево, как оказалось, не проникла ни одна из широко известных волжских бурлацких песен (таких, как «Вниз по матушке по Волге», «Эй, ухнем», «Утес Степана Разина» и т. п.).

На основании опроса певиц удалось установить, что специально новогодних песен, гадальных, авсенок они не могут припомнить. Святочная песня «Уж я золото хороню» была записана в 1940 году. На рождество ходили по избам только с пением церковных песен. Масленичных песен много (часть их была записана в 1940 году), обряда «Проводы масленицы» дорожевцы не помнят. Весенних песен также много, но веснянок, заклинаний весны в Дорожеве не знают. Земледельческих песен, кроме двух жнивных, также не оказалось.

Дорожевцы очень четко делят свои песни на группы по тому времени, когда было принято их петь:

- 1) зимние, в значительной части плясовые (по местному — «скакульные»);
- 2) масленичные;
- 3) великопостные;
- 4) весенние, летние, в том числе «карагодные» (хороводные);
- 5) «восенние» (осенние);
- 6) свадебные (поют обычно осенью, когда играют свадьбы).

Группы включают песни разных жанров, часто при преобладании одного. Так в числе масленичных и великопостных песен наряду с обрядовыми и весенними игровыми есть протяжные, лирические (большинство же лирических относится к осенним). Летом, наряду с некоторыми обрядовыми, преобладают «карагодные» песни и т. д.

* * *

Песенное искусство Дорожева, доньше почти не публиковавшееся, не освещавшееся в печати, представляет значительный интерес.

По своим стилистическим чертам многие песни Дорожева близки русской крестьянской песенной классике, известной нам по ряду сборников с конца XVIII века, ее основному «пласту», питавшему творчество Глинки (родина его — Смоленская область — непосредственно граничит с Брянскою). Это относится и к текстам песен, большею частью удивительно полным и сохранным, и к их мелосу.

Консерватизм музыкального быта, отсутствие песен, родившихся в степях или на просторах Волги, сказались не только на тематике песен, но и на характере их мелоса, — узком диапазоне мелодий, отсутствии широких интервальных ходов. Даже протяжные лирические песни (например, «За рекою, матушка, гусли пудут») замкнуты порою в пределах терции или кварты. Архаичность некоторых обрядовых напевов удивительна. Одна из песен, — заклинательная русальская «Завью венки» — вошла в учебник истории русской музыки¹ в качестве образцового примера первобытности напева. Характерен ладовый строй этой песни и некоторых других, столь же архаичных, — звукоряд большой терции (например, с, d, e) с конечным упором на среднем тоне (d).

Как уже отмечалось, в дорожевском песенном фольклоре отчетливо заметны следы влияния скоморошских песен; в песнях, тексты которых сохранили упоминания о скоморохах или их инструментарии, отчетливо заметна речитативность и вместе с тем четкая ритмика: видимо, в прошлом это были бойкие плясовые, исполнявшиеся под аккомпанемент бурдонирующего инструмента — гудка, волынки (например, «Ой, Ягор-Ягорушко» или «Заиграй, моя волынка»).

¹ Ю. Келдыш. История русской музыки, ч. I, М.—Л., Музгиз, 1948, стр. 29.

Образцы дорожевского многоголосия в отдельных случаях являются весьма примитивными, архаичными и в качестве таких уже приводились мною в работе «О русском народном многоголосии»¹: еле заметное «расщепление голосов», примитивное оstinato одного голоса и т. п.

Наряду с сохранением архаичных черт, имеющих значение только для исследователя-историка, дорожевский песенный фольклор интересен и в другом отношении. Развиваясь в общем русле русского народного творчества, он включил в свой состав художественные песни, только частично знакомые по другим сборникам.

Изучение дорожевских песен указывает на стойкость в народной памяти не только текстов песен, но и их напевов. Сравнивая ряд дорожевских напевов с соответствующими песнями, записанными сто и полтораста лет назад, можно заметить общность их метроритма, а иногда и всего рисунка мелодии. Поучительно, например, сопоставить метрику и ритмику песни «Заплетися, плетень» с метрикой и ритмикой той же песни, опубликованной еще в конце XVIII века в сборнике Прача — Львова. Примеров таких немало (см. «А мы пашню пахали», «Как по морю», «Камаринская» и др.). Обращает внимание песня «На улице ержица», текст которой (а также метроритмика) частично совпадает с текстом «Катеньки веселой» из общеизвестного сборника Балакирева².

Таким образом, сопоставление наиболее развитых дорожевских песен со старинными записями дает интересный материал для суждений об истории русской песни, эволюционном развитии мелоса. Любопытные материалы по той же теме дает сопоставление записей одних и тех же песен, сделанных в Дорожеве дважды (примерно от того же актива в 1940 и в 1953 гг.). Такие сопоставления позволяют убедиться в том, что одни песни проявляют удивительную интонационную стойкость (даже в отношении абсолютной высоты тональности — сдвиги не превышают большой секунды), другие гораздо более подвижны, изменчивы. Это может объясняться разными причинами — забвением песни или ее энергичным распеванием.

Записи 1953 года указывают на усложнение многоголосия. Это обстоятельство, возможно, объясняется разной техникой записи. В 1940 году она производилась несовершенным фонографом, а в 1953 году — магнитофоном. Прекрасная его запись позволила расслышать больше деталей и голосов, которые в фонозаписи не были слышны.

В 1940 году расшифровали фонограммы Н. Бачинская,

---

¹ Л. Кулаковский. О русском народном многоголосии. М., Музгиз, 1951, стр. 25.

² См., например, П. Шейн. Великорус, вып. 2, тексты №№ 563 и 564. СПб., 1898.

И. Куликова и В. Кривонос, в 1953 году — Е. Гиппиус и М. Чермухин.

В некоторых случаях сопоставление двухкратных записей той же песни позволяет говорить о развитии ладового, интонационного языка за последние 13 лет.

В числе дорожевских песен есть песни ранее неизвестные или известные только по единичным записям текстов. Ознакомление с ними имеет значение не только для ученого, но и для композитора, так как некоторые песни представляют несомненный художественный интерес. К числу малоизвестных или совсем неизвестных следует отнести: «Как повадился коток» (любопытное хоровое претворение детской колыбельной в женскую хоровую), «Под горою диво» (с характерным метроритмом, как бы имитирующим упоминаемый в песне барабанный бой), «Как назвала жена мужа, она негодяем», «За рекою, матушка, гусли гудут», «Ах, всходили тучи грозовые», «Не велела мне матушка», «Чеё ж это поле».

Примечательна судьба последней песни. С нею некогда более опытная жнея обращалась на поле к отставшей подруге, высмеивая ее медлительность. Интересно, что эта старинная песня перекечевала в колхозный быт. Летом 1952 года жнеи, закончившие работу на своей полосе, пели «Чеё ж это поле» соседней отставшей бригаде (в этом году часть урожая убиралась вручную).

Говоря о дорожевских песнях, нельзя не упомянуть о стремлении певцов театрализовать свои хороводные игры. В 1940 году их хороводы поразили меня, пожалуй, не менее чем «Кострома» (которую, кстати, сами дорожевцы причисляют к хороводным играм).

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это исключительно крупная роль в дорожевском фольклоре женской тематики. Достаточно вспомнить «Кострому» и инструментальный ансамбль игрух на кувиклах. Многих популярных мужских песен в Дорожеве не знали, зато с особым энтузиазмом пели и играли песни, в которых женщина берет верх над мужчиной. Таковы песни «Под горою диво — жена мужа била», «Как назвала жена мужа, она негодяем», «Летел голубь» с характерным припевом: «А все мужа по жене честят». В одном девичьем хороводе рассказывается, как «Девушка парня, она поборола», а затем великодушно помиловала. Не исключено, что и эта примечательная особенность дорожевского фольклора как-то связана с близостью села к древнерусскому женскому святилищу Берегын (или Рожаницы)¹.

¹ Если точны предположения проф. Б. Рыбакова, то визигское святилище было основано еще до окончательного крушения матриархата (приблизительно во II в. до н. э.); пережив это крушение, оно стало естественным средоточием его пережитков: легко понять, как болезненно реагировали жрицы такого святилища на утверждение патриархата.

ДОРОЖЕВСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ОБЩИЙ ПЕСЕННЫЙ РЕПЕРТУАР¹

ЗИМНИЕ²

1. Ой вы, луга*.
2. На улице ержица*.
3. У ворот гусли играли, да меня младу манили...
4. Пойду, выйду на улицу,
Разыграю карагод
Супротив своих ворот,
Супротив вереюшек.
5. Три дня печи не топила —
У печерочки жар, жар,
А я мужа не родила,
А мне его жаль, жаль.
6. Кто к двору, кто к двору,
А я к двору не пойду,
С кем гуляю не скажу
И кого люблю не объявлю.
7. Дурен, дурен наш кисель.
А кто дурен, нехорош, —
Того с улицы долой.
А я млада хороша,
Черноброва, пригожа.
8. Рябина, рябина,
Рябина кудрява,
Еще кучерява.
Как и эту рябину
Морозы не били.

---

¹ Песни распределены по указанию левии. Песни, отмеченные звездочкой, помещены в данном сборнике.

² Большей частью «скакульные», то-есть плясовые.

9. Ой, батенька родимый!
Не отдавай меня, молодую,
На семнадцатом году,
Я в девушках посижу.
10. По заре да по зорюшке
Мой милый гулял,
Милый, в дудочку играл,
В одну калиновую,
В другу малиновую...
11. Воробей-воробьюшек,
Полетел я в полюшко,
Насбирал себе зернушек,
Наварил себе пивушка.
12. Воробей сына женил,
Молодой пиво варил.
13. Варя-Варвара, с чего пузо нарвало?
14. Вечор меня мать журила, бранила,
Всё не за дело, всё за безделье:
За тонкую пряжу, за белую рубаху.
15. Ой ты, тетушка Алена,
Распотрена, набелена
На улицу выходила —
Черны брови наводила.
16. Полоса моя полосынька
Не пахана, не скорожена.
17. Варя-Варвара по саду гуляла, с черным бобром играла.
Понаехали бояре, скликнули Варвару...
18. Не заря моя, зорюшка, ранняя, вечерняя, солнышко
восхоее,
Ой, ты рано восходила, далеко светила.
19. Скакала, играла на улице долго.
Сказали мне люди, в доме нездорово:
Свекор умирал, свекровь подыхала.
20. Я хожу, хожу по досточке,
Рассыпались мои косточки,
На чужих мужов глядучи.
21. Ой, Ягор-Ягорушка*.
22. Камаринская*.
23. Из-под дуба, из-под вяза,
Из-под вязава коренья,
Ой, калина, ой, малина!
24. У нас на речке, на Рязанке,
Там девчонки купалися.
Сколь не взялся вор Игнашка,
Покрал девкины рубашки.
Одна девка всех смелее,

- Понаружу выходила.
25. Не зима ль моя зима, зима лютая была,
Все крапивное кореньище повызнобила,
Что худая жена мужа высушила,
Присушила черны кудри ко буйнсей голове.
26. Ой, веловская девчонка подманила драгуна,
Да удалого молодца.
27. Гусли мои, разгусльюшки,
Разыграйте, распотешьте
Да удалого молодца.
28. Летел голубь*.
29. Восходил месяц выше города*.
30. Я калася, перекалася,
Давно с миленьким не видалася.
31. У нас по мосту, мосточку,
По калиновому кусточку...
32. Ой, коло бережку похаживает,
Гусей-лебедей заманивает...
33. Ох вы, кумушки, вы голубушки,
Моего горя не знаете:
Моего мужа лихоманка бьетъ.
34. Под горою диво*.
35. На горе, на горушке,
Там горят огонюшки.
Там девки гуся жарят,
Салом поливают,
Солью посыпают.
Там ребята кобеля жарят,
Дегтем поливают,
Песком посыпают.
36. Как повадился коток*.
37. Уж я золото хороню*.
38. Теща зятя бранила,
Теща зятя журила:
— Мой-то зять дурак:
Ни сохи, ни боронушки,
Ни кобылки воронушки.
— Теща ласковенькая,
А твоя дочка дура:
Она наставила кросна,
А им девять весна,
А десятая пошла.
Проножки под лавкою
Заросли муравкою.
39. Я была, была на том конце*.
40. В Карачеве на ярманке*.
41. По улице трынки-волынки*.
42. Заиграй, моя волынка*.

МАСЛЕНИЧНЫЕ¹

1. Ой, не ель моя*.
2. За рекою, матушка, гусли гудут*.
3. Масляная покургузка*.
4. Взойду молода, ох, я на горку.
5. Высок, высок, матушка, кленовый лист.
А где б он не был высок — быть на земли!
6. По горам я молодая ходила-гуляла,
Вишенья-яблонья садила.
7. Выходила девица у широкой бор,
Выносила красная жар в рукаве,
Зажигала сыру сосну...
8. Дунули ветры со чистого поля,
Поломали все дубы и березы.
На тех на березах сидеть три какушки...
9. Зайду, зайду на крутую гору,
На крутую я гору, на высок терем.
Сяду я, сяду под вакошечком...
10. Зайду, зайду я на горку,
Как ускрикну я соловейку:
— Соловеюшко мой, родный братец!
11. Сизенький мой селезенька,
Не летай по лужечку,
Не щипли травку-мурашечку.
12. С чего река пьяна, с чего веселая?
Прикатывали к речке девять бочек вина,
Десятая пива, десятая пива
От царя Константина, Васильева сына.
13. На море сырой дуб, на том дубу серый ворон, ен сидел.
Мимо его шел сын боярский, хотел застрелиться.
14. Я летела перепелкою по чужой стороне,
Я искала своо родимого батьки на чужой стороне.
15. У нас на горке, на пригорке, ой люли,
Там стояли клен да береза,
Туда ехал сын да боярской.
16. Давно я, давно у батюшки была.
Неужто моя дорожка мурашкой заросла?

---

¹ Все песни протяжные.

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ¹

1. Речушка текучая*.
2. На Волге девки гуляли и мне младу гукали.
3. Была я у батюшки
Любимая дочь.
Отдал меня батюшка
Замуж далеко.
Велел же мне батюшка
Семь годов не бывать.
4. Горелый пень*.
5. Гори, гори гарко*.
6. А мы пашню пахали*.
7. Заплетися, плетень, заплетися*.

РУСАЛЬСКИЕ («РУСАЛЬНИЦКИЕ»)

1. Обкружусь, обчертюсь*.
2. Завью венки*.
3. Никому так не досадно,
Как мне, горькой сироте.
4. Сегодняшний денечек я в печали пробыла.
5. День я гуляю, день я хожу.
6. Несчастливая Машонька, эх, уродилася.
7. Шла Маша из лесочка,
Плела Маша два веночка.

ВЕСЕННИЕ И ЛЕТНИЕ

Хороводные (карагодные)

1. У ворот, ворот батюшкиных*.
2. Ох, не свет ли заря занималася*.
3. Как назвала жена мужа, она негодяем*.
4. Китай-город*.
5. Хожу я, гуляю вдоль карагода,
Гляжу я, смотрю по всему народу.
6. Верный наш колодезь*.
7. Вился, вился хмелюшка,
Через тын на улицу
В мой зеленый сад,
А в моем саду долина широкая.

---

¹ Весенние, игровые.

8. Э, выгляньте-ка в' город,
Не поспел ли боб-горох?
Мой горошек не поспел,
А в бобиночку созрел.
9. Как по морю*.
10. Э, у нас по травке, у нас по муравке,
Ой, лешеньки люли,
Ходит-гуляет удалой молодчик...
11. А я сеяла ленок*.
12. Как у нашего попа попадаья была плоха...
13. Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого
Там ишло-прошло два молодца —
Холостые, неженатые.
14. Вдоль да по речке,
Вдоль да по широкой
Сизой селезень плывет.
15. Ой ты, улица, ты широкая.
16. У нас-то по травке*.
17. «Кострома».*

Неигровые

18. Ходила я, молода, ой по борочку*.
19. Ходила я по лужку, ступил комар на ножку.
20. Посеяли девки лен*.
21. Кумки, голубки мои,
Не пора ли вам до дому итить.
22. Голова ль ты моя*.
23. Что зелена, зелена в лузе трава*.
24. Червонная калинушка.
25. Есть у лесе две березки вместе*.
26. Веселая беседушка, где батюшка пьет.
27. Ой и поле мое*.
28. Чее ж это поле*.
29. Ах, всходили тучи грозовые*.
30. Коло двух белых берез*.
31. Не велела мне матушка*.

СВАДЕБНЫЕ

1. Я была, молода, в зеленом саду
2. Пропой, пропойничек*.
3. Вопой, вопойничек,

- Ой, васильин батюшка
Выпил себе чадо
За винную чару.
4. Хвалилась калина, в лугах стоячи,
У лугах стоячи, на воду гляючи:
Кто меня срубит без боли, без ветру?
5. Ой, гуси, вы гуси*.
6. Ой, пейте, гуляйте, зазванные гости!
Да не я вас зазвала, зазвал мой батюшка.
7. Эх, у нас на избе зелье,
Эх, у нас в избе веселье!
А за столом бояре мед-пиво пили.
8. У недельку на утречке собиралася Марьяна родня.
9. Ударь, дружка, головою*.
10. Как по морю*.
11. Погнулися сани,
Как бояре сели.
Да не так 'ны погнутя,
Как — меду напьются.
12. Ой, на речке, да на гибкой доске,
Ой, Марьюшка чарочки мыла,
Мымши чарочку, на воду пустила.
13. Ой, защити, батюшка, двор,
Не пускай ерды¹ на двор.

ОСЕННИЕ

1. Закатилось, скажем, яркое солнце
За тьи леса, скажем, за темные.
2. Ко бережку выплывают трое вуток.
3. Несчастная Машенька народилася,
Великое ей горе приключилося.
4. На коничка милый садился,
Эх, к калиточке подкатился,
Ночевать к Дуне просился.
5. Мил по горенке гуляет,
Мил по крутенюхой гуляет...
6. Я маленечка была, несмышлешенька была,
Я не знала, что на свете есть любà.
Постояла б я со милым дружкой хоть часочек,
Поглядели б мои глазочки хоть в запас.
7. Эх, сдумай, сдумай, расдушенечка, эх, сдумай про
мине,
Эх, про мине лишь раз... про девушку.
Плач по мужу*.

---

¹ «ерды» — орды.

ПЕСНИ

ОЙ, ВЫ ЛУГА

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Скоро $\text{♩} = 160-176$
Одна (запевала)

Ой, вы (э) лу- га, ой, вы (э) лу га,

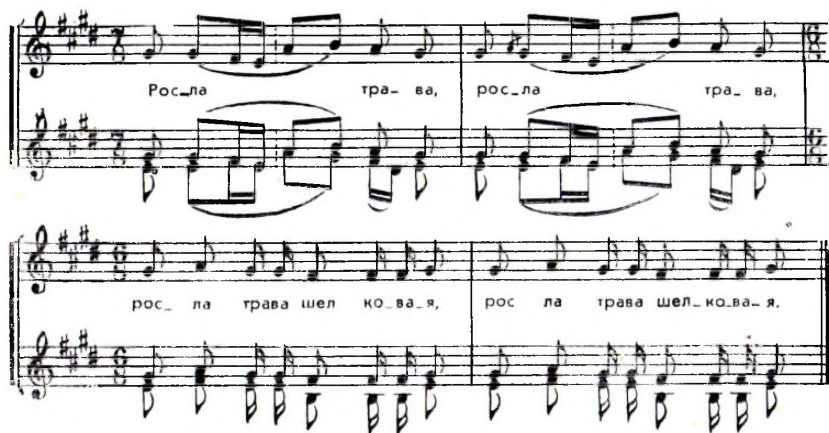
The first system of the musical score for 'Ой, вы луга'. It consists of two staves. The top staff is in treble clef with a key signature of two sharps (F# and C#). The bottom staff is in bass clef. The melody is written in a 2/4 time signature. The lyrics 'Ой, вы (э) лу- га, ой, вы (э) лу га,' are written below the notes.

вы лу- га, лу- га, зе- ле- ны- е лу- га,
Все

The second system of the musical score. It continues the melody from the first system. The lyrics 'вы лу- га, лу- га, зе- ле- ны- е лу- га,' are written below the notes. The word 'Все' is written below the first staff of this system.

вы лу- га, лу- га, зе- ле- ны- е лу- га.

The third system of the musical score. It continues the melody. The lyrics 'вы лу- га, лу- га, зе- ле- ны- е лу- га.' are written below the notes.

Ой, вы (э) луга¹,
Вы луга, луга, зеленые луга.
(Как по тем лугам,
Как по тем лугам выросла трава)
Росла трава,
Росла трава, шелковая трава.
Расцвяти цвяти,
Расцвяти цвяти лазоревые.
Пошли духа,
Пошли духа малиновые.
Я на тьем (ы) цветам,
Я на тьем цветам выкормлю коня.
Я выкормлю,
Ой, я выкормлю, выложу яго.
Ой, я вы(э)ложу,
Поведу коня ко батюшке,
Государыне,
Государыне-матушке:
— Государь ты мой,
Государь и ты мой батюшка,
Государыня,
Государыня моя матышка!
Ты примай коня,
Ты примай коня вороного,
Привяжи слово,
Привяжи слово ласковое —
Ни отдавай мне,
Не отдавай мене за старого мужа,

¹ Каждая строка повторяется дважды.

Отдай мне,
 Отдай мене за ровнюшку,
 За ровнюшку,
 За ровнюшку, за детинушку.
 Я с ровнею,
 Я с ровнею гулять пойду.
 А я ровнюшке,
 А я ровнюшке калач куплю,
 А я старому,
 А я старому лихач посулю¹

НА УЛИЦЕ ЁРЖИЦА

Пела М. Ив. ВАСЮКОВА
 Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ
 (Запись 1940 г.)

Не очень скоро ♩ = 80

вар.

Одна

Все

На у-ли-це ёр-жи-ца, на у-ли-це
 Не мя-те-ли-ца мя-тет, хо-лод-ная

вар.

ёр-жи-ца, на у-ли-це ёр-жи-ца, на дво-ре мя-те-ли-ца
 ро-са льет. Хо-лод на-я ро-са льет, по ро-се ми-лой и-дет

На улице ёржица, на улице ёржица,
 На улице ёржица, на дворе мятелица,
 На дворе мятелица, на дворе мятелица.
 Не мятелица мятет, холодная роса льет,
 Холодная роса льет, по росе милой идет,
 По росе милой идет, по росе милой идет
 По росе милый идет, карагод девок водить,
 Карагод девок водить, карагод девок водить.

¹ Поется на «Филипповках».

А все девки хороши, разлапушки, пригожи ¹.
 Одна девка говорлива, с милым речи говорила.
 — Ой ты, миленький, милой, не ходи ко иной,
 Не ходи-ка ты к иной, приходи ко мне к одной,
 Приходи ко мне одной, ты не стукайся,
 Ты не стукайся, ты поскрябайся.
 Рукастая кошка скрябала в окошко,
 А мой батька стар на полатах спал:
 — Эй ты, дочь родна, ты уздуй огня!
 — А не чорт ли тебя, батька, ночью спрашивает?
 Ой, брысь, провались! На пярину узвались,
 На пярину узвались, под'деяло схоронись!
 Стало к свету рассветать, стала думу думовать,
 Стала я думу думовать, куда мне кота девать?
 Положу я кота в подол, положу кота в подол,
 Положу я кота в подол, а понесу его на двор,
 Понесу его на двор, посажу я на забор
 Кот побежал и забор задрожал,
 Вот так, вот так побежал и забор задрожал.
 Подавил (э) же забор и телят и ягнят,
 И телят и ягнят, еще маленьких ребят.
 А мы старых стариков поменяем на быков,
 А мы старых старушек променяем на телушек,
 А мы маленьких ребят променяем на ягнят ².

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
 Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА
 (Запись 1953 г.)

Скоро

Одна

На у-ли-це ёр-жи-ца, на у-ли-це

Все

ёр-жи-ца, на у-лице ёржи-ца, на дво-ре мя-те-ли-ца.

Все

¹ Далее каждая строка исполняется дважды (повторность эта исполнительницами строго не соблюдается).

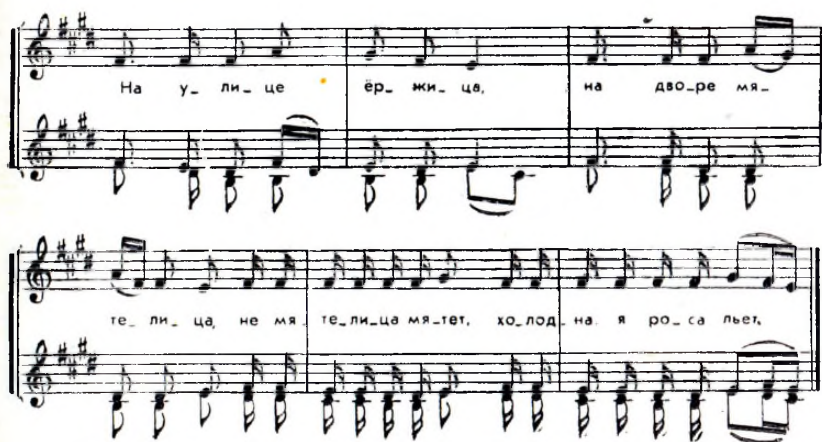
² Песню называли иначе — «Про кота».

*Дорожевцы поют.
Запевает М. Изв. Васюкова («Мáйшица»).*

Фото С. Шингарева, 1940 г.

Эй, ягор-ягорушка

Пела М. ФИНОГЕНОВА
Рассшифровка И. КУЛИКОВОЙ
(Запись 1940 г.)

* Часть текста припева осталась нерасшифрованной

Эй, Ягор-Ягорушка,
Ой, кучурявая головушка!
Ой, а ле ле, а ле ле, а ле. А ле ле,
а ле ле, а ле ¹

Кто тебя, Ягор, спородил?

— Спородила меня матушка,
А вскормил сударь батюшка,
А взнуздала чужая сторона,
А завивала кудри милая моя,
Завивала, приговаривала.
Куда кудерьки ложилися,
Туда речи расходилися:
— У нас по сеням, по сенюшкам,
По новым, по решетчатым,
Там ходила-похаживала
Молодая боярыня,
Не большая, не малая,
Лизавета Ивановна.
Она будила-пробуживала
Своего друга милого,
Ой, да Сергея Ильиновича.

— Ты восстань, моя ласковая ²,

Пробудись, моя милая!

Я скажу диковинку

Не большую и не малую.

Оторвался вороной конь

От столба от точеного.

А ворвался вороной конь,

А ворвался во зеленый сад,

Притоптал всю калинушку,

Всю калину-малинушку,

Всю пахучую мятушку,

Всю шелковую травушку

---

¹ Припев исполняется после каждого двустишия.

² Несогласованность родов наблюдается часто.

ОХ, ЯГОР-ЯГОРУШКА

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА
(Запись 1953 г.)

Подвижно

Одна

Все

(Для окончания)

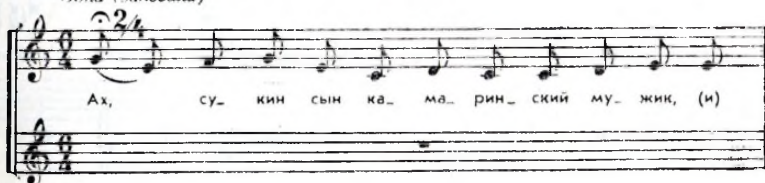

КАМАРИНСКАЯ

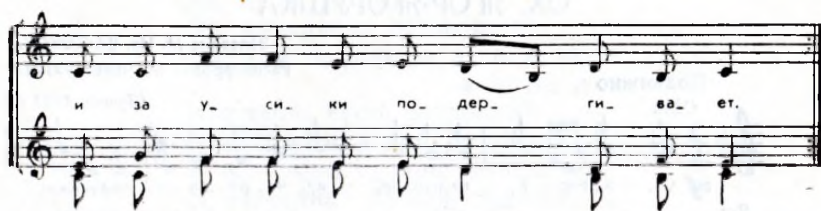
Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Скоро $\text{♩} = 160-168$

Одна (запевала)

Ах, сукин сын камаринский
 мужик, (и)
 Он не хочет своему барину служить!
 Он бежит, бежит, по.....
 И за усики подергивает

ЛЕТЕЛ ГОЛУБЬ

Пела А. П. ВАСЮКОВА
 Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Довольно скоро

1 Ле_ тел_ н(ы) го_ луб(ы), ле_ те_ н(ы) го_ луб(ы),
 ле_ тел го_ луб со чу_ жой сто_ ро_ ны,
 ле_ тел го_ луб со чу_ жой сто_ ро_ ны.
 2 Ска_ жи, го_ луб, ска_ жи, го_ луб(ы),
 ска_ жи, го_ луб, чи_ я же_ на ко_ ро_ ша,
 ска_ жи, го_ луб, чи_ я же_ на ко_ ро_ ша?

Летел (ы) голуб (ы) ¹.
Летел голуб со чужой стороны.
— Скажи, голуб (ы),
Скажи, голуб, чия жена хороша?
— У барина,
У барина да жена хороша.

У хресьянина,
У хресьянина еще лучше его!
— Хресьянин мой,
Хресьянин мой, поменяюсь я с
тобой.

— Боярин мой,
Боярин мой, не меняю я с тобой.

Мою жену,
Мою жену часто в гости зовуть,
Мине мужа,
Мине, мужа, приговариваютъ.
А все мужа,
А все мужа по жене честять.

Мою жену,
Мою жену у коляске везутъ,
Мине мужа,
Мине, мужа, новобратке ведеть.
А все мужа,
А все мужа по жене честят.

Мою жену,
Мою жену да у пир за стол.
Мине мужа,

¹ В песне все строки, кроме последней, повторяются.

Мине, мужа, да на печь за стол.
А все мужа,
А все мужа по жене честят
Моей жене,
Моей жене да пива и вина,
А мне мужу,
А мне, мужу, ни помо (ев), ни воды,
А все мужа,
А все мужа по жене честят.

Моей жене,
Моей жене пироги-калачи,
А мне мужу,
А мне, мужу, кулаки-судаки ¹.
А все мужа,
А все мужа по жене честят!

ВОСХОДИЛ МЕСЯЦ ВЫШЕ ГОРОДА

Э, восходил месяц выше города,
Ох, а лей ляле э ладу²
Выше города, выше нового.
Обсветил месяц всю землю и воду,
Всю земле и воду и mine молоду,
И mine молоду на долинушке,
На долинушке белай лен брамши,
Белай лен брамши, у ряды сламши.
Как лятить, лятить каменна стрела,
'На лятить высако й 'на стрялить дяляко,
Хочить застрялить и доброго молодца,
Доброго молодца, что йдин сын у отца,
Что йдин сын у отца с матерью.
Ох, и мати плачить — там река стоять,
А сестра плачить — ручаи бегать,
А жена п(ы)лать — там и роса стоять!
Ох, и мать плачить век до веку,
А сестра плачень год до году,
А жена плачень день и да вечера,
День да вечера — слухать нечего.
Ох, а ночь пришла, шельма гулять и пошла,
Вечеринкою со лучинкою,
Позараночком и с огарочком,
Ох, а лужком и лужком и со милым дружкойм.

---

¹ «Так и дам судушку» — дам кулаком. Песню пели хором в селе Соколове на улице.

² Припев повторяется после каждого стиха; в пересказке произносят «ладо»; некоторые говорили, что эту песню «поют, как лен дергают» (П. Шейн. Великорус, текст 1190. СПб., 1902) Песню исполнительница слыхала только от матери, когда она пела одна под прялку «лет сорок пять назад» (то есть в конце XIX в.)

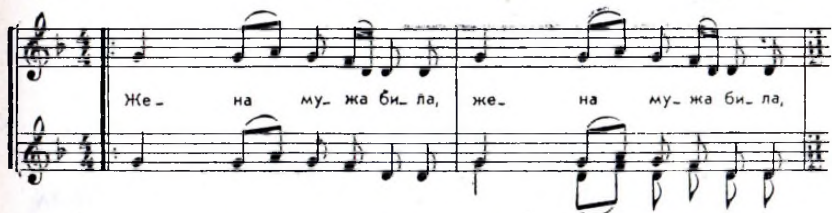
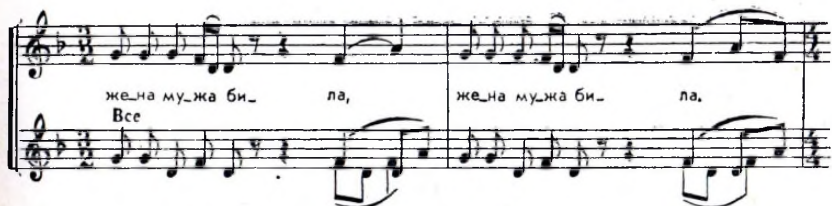
ПОД ГОРОЮ ДИВО

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

Подвижно

Одна

Под горою диво — ¹
Жена мужа би...ла,
Жена мужа била,
Не худому вчи...ла:

— Вей, вей, муж, обору,
Плети жене ла...пти!
Серед торгу на базаре
Барэбаны би...ли.

¹ Каждая строка песни исполняется дважды.

Барэбаны били,
Указы чита . ли,
Указы-казы читали,
Солдат выбирали.

Мой муж негодный,
Ни куды негод . . . ный, —
Ни в солдаты, ни в майоры,
Ни бить ы барабы . . ны.

Только мой муж пригодился
На печи вэля . . . ться,
По печи валяться,
Со мной огрыза . . . ться.

А я, млада, догадалась —
Кочергою в зу . бы,
Кочергой в зубы,
Помелом у гу . . бы.

А я стала ль по суставам,
Гребяжищем по костищам:
— Вей, вей, муж, оборы,
Плети жене ла . . . пти¹.

КАК ПОВАДИЛСЯ КОТОК

Запевала А. ЖЕЛТОВА
Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ
(Запись 1940 г.)

Умеренно ♩=78
Одна (запевала)

Как по-ва-дил-ся ко-ток во сту-де-ный по-гре-бок,
Все о- х, о- х, ох, ох, ох!
Одна В(э) сту-де-ный по-гре-бок(ы) по сме та ну, пот(ы)варог

² Пелі зімой на «нослежках», в исполнении стали инсценировать в хороводную.

Как повадился коток
 Во холодный¹ погребок,
 О-о-ох, о-о-ох, ох и эх ах-о!²
 Во холодный погребок
 По сметану, по творог,
 По сметану, по творог,
 Э, за кислое молоко,
 Э, за кислое молоко.
 Как увидела кэта,
 Как увидела кэта
 Евдокия из окна,
 Евдокия из окна.
 Узяла ж она кота,
 Узяла ж она кота
 Поперек э живота,
 Поперек э живота.
 Как ударила кота,
 Как ударила кота
 Об сыру мать-землю.
 Об сыру мать-землю:
 —Ох, и вот тебе, коток,
 Ох, и вот тебе, коток,
 И сметана и творог,
 И сметана и творог,
 И кислое молоко!³

Запевала Е. СИМОНОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА
 (Запись 1953 г.)

¹ В пении иногда «студеный».

² Припев повторяется после каждого двустипия.

³ Поется женщинами только на святках, часто во время прядения.

УЖ Я ЗОЛОТО ХОРОНЮ

(игровая)

Я золото хороню,
 Я серебро хороню.
 Мое золото пропало,
 Чистым порухом запало,
 Позаивнело,
 Позаплесневало.
 Гадай, гадай, девица,
 Чьи руки белятся?
 — А мне не угадати,
 Молодцу не сказати!
 Ой, вы кумки мои,
 Вы голубки мои!
 Вы скажите, не потайте —
 Миня мать хочет бить,
 Миня мать хочет бить
 А в четыре прута,
 Пятая — лозина
 По ж возила¹

¹ Описание игры см. стр. 129.

Я БЫЛА, БЫЛА НА ТОМ КОНЦЕ

Э, я была, была на том конце,
Э, я пила, пила вино в карце.
А леле, а леле, ай ле, а леле,
а леле, а ле¹.

А я пила, пила вино в карце,
А я видела диковинку.

А я видела диковинку:
У нас по сеням да по сенюшкам,
У нас по сеням да по сенюшкам,
По новым да по решетчатым

Там ходила, похаживала
Молодая боярыня.

Молодая боярыня
Да, ой, Марья Ильинечна.

Она будила, пробуживала
Своего друга милого.

Своего друга милого
Да Ивана Яковлевича:

— Ты восстань, моя дружечика,
Ты восстань, моя ласковая.

Я скажу тебе диковину
Не большую и не малую,
Не большую и не малую.
Оторвался вороный конь,

Оторвался вороный конь
От столба от точеного,

От столба от точеного,
От кольца полуженого.

И ворвался вороной конь,
Ворвался во зеленый сад,

Притоптал калинушку,
Всю калину-малинушку.

Всю калинушку-малинушку,
Всю пахучую мятушку.

Всю пахучую мятушку,
Всю шелковую муравушку.

---

¹ Припев повторяется после каждого двустипия.

В ҚАРАЧЕВЕ НА ЯРМАНКЕ

В Қарачеве на ярманке
Проявился такой молодец,
А лелё, а лелё, айлё, а леле, а леле,
айле¹

Проявился такой молодец.
Ен по торгу похаживает,
Ен по торгу похаживает,
И каменно ружье заряживает,
И каменно ружье заряживает —
И выше леса, выше темного,
И выше леса, выше темного,
Выше сада зеленого,
Выше сада зеленого
На полете ясны соколы,
На полете ясны соколы.
Ох, на горушке огонюшек горить,
А на горушке огонюшек горить,
Мине молодца головушка болить.
'На болить, болить неможеться,
В деревне жить не хочется.
А в деревне мужики-дураки,
Разувай все, лапотники.

ПО УЛИЦЕ ТРЫНКИ-ВОЛЫНКИ

По улице трынки-волынки,
Молодые скомороги²,
Эй леле, лелей лё, эй, лелё, лелей
лё³.

Молодые скомороги.
Они скакали, плясали.
Они скакали, плясали,
Чёботики растрепали.
— Эх, ты, чёбы-чёботочек,
Здравствуй, миленький дружок!
Чи живешь, чи горюешь,
Чи во царстве царюешь?
Я живу не горюю,
Я во царстве царюю.

¹ Припев исполняется после каждого двустушия.

² Слов «волынки» и «скоморохи» исполнительница (А. П. Васюкова) не понимала.

³ Припев исполняется после каждого двустушия.

Свекор с печки убился,
 За корыто завалился.
 За корыто завалился,
 Мякиною подавился.
 Кабы я была мостница,
 Я б повыше подмостила.
 Я б повыше подмостила,
 Я б подальше пихнула.
 Я б подальше пихнула,
 Ручку, ножку свихнула.
 Ручку, ножку свихнула.
 Буйну голову б сломила.

ЗАИГРАЙ, МОЯ ВОЛЫНКА

Запевала А. П. ВАСЮКОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА

От $\text{♩} = 100$, ускоряя до $\text{♩} = 116$

За играй, мо-я во-лын-ка, за-гу-ди мой гу-до-чек!
 Ой ли, а-ли, лей-ле, а-ле-ле-ле, а-лей-ле!
 За-гу-ди мой гу-до-чек, до-га-дай-ся, мой дру-жо-чек!
 Ой ле, ай ле-лей-ле, а-ле, а-ле, ле-ле-лей, ле!

Заиграй, моя волынка,
Загуди, мой гудочек!
Ой ли, али, лейля, алё, аля лейлѐ¹.
Загуди, мой гудочек,
Догадайся, мой дружочек!
Догадайся, мой дружочек,
Либо выйди, либо вышли,
Либо Дарью, либо Марью,
Либо Дарью, либо Марью,
Либо душечку Катюшу
Катюшечка догадалась,
Скорехонько пометалась,
Скорехонько пометалась.
А она думала — десятской,
А она думала — десятской,
А он, сукин сын—посадской,
А он, сукин сын—посадской
И в детиных порточках...²

---

¹ Припев исполняется после большинства двестишій.

² Конец забыт

ОЙ, НЕ ЕЛЬ МОЯ

Запевала М. Из. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Ой не ель моя, ой да ель зеленая,
Ель зеленая, люли, ель зелена...
Под тобою ж, ель, ой да ель, стояла, (ах),
Ель, стояла, ой, люли, ель, стояла,
А я ножички, ой да ножички привстояла, (ой),
Привстояла, люли, привстояла.
А я глазутки ой и проглядела, (ой),
Проглядела, люли, проглядела:
Своего батюшку ой и в гости ждала,
В гости ждала, люли, в гости ждала.
А я родного ой да не дождала, (ой),
Не дождала, люли, не дождала.
Ой да батюшка мой, ой да мой родимый, (ой),
Мой родимый, люли, мой родимый!
Чего ж ты ко мне ой в гости не едешь, (ой),
В гости не едешь, люли, в гости не едешь,
Меня молоду ой да не навестишь, (ой),
Не навестишь, люли, не навестишь?
—Дите ты мое ой да дорогое, (ой),
Дорогое, люли, дорогое!
Заняла ж меня ой да непогода, (ой),
Непогода, люли, непогода:
Ой, зимою я ой да за снегами, (ой),
За снегами, люли, за снегами,
Великим постом ой да за возами, (ой),
За возами, люли, за возами,

Теплым летичком ой да за жарами, (ой),
 За жарами, люли, за жарами.
 А зимою ж-то ой да у возочку, (ой),
 У возочку, люли, у возочку,
 На вороненьком ой да на конечку, (ой),
 На конечку, люли, на конечку
 Великим постом ой да на челночку, (ой),
 На челночку, люли, на челночку
 Теплым летичком ой да в тележонке, (ой),
 В тележонке, люли, в тележонке.
 На коростовой ой да лошаденке, (ой),
 Лошаденке, люли, лошаденке!

ЗА РЕКОЮ, МАТУШКА, ГУСЛИ ГУДУТ

Запевала М. ФИНОГЕНОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

(Запись 1940 г.)

Умеренно ♩ = 88
 Одна (запевала)

За ря- ко- ю ма- гуш- ка
 Все
 гу- ли гу- дут гу- се- ле- шки.
 За бы- стро- ю, су- да- ры- ня
 звон- ча- ты е, звон- ча- ты- а

За рякою, матушка,
 Гусли гудут, гуселюшки.
 За быстрой, сударыня,
 Звончатые, звончатые.
 Пусти мне, матушка,
 Гусель слышать, гуселюшек.
 — Пустить мне тебя, детистя,
 Да век не видать, век не видать.
 — Приду, приду, матушка,
 На велик день, на велик день

Сэ красеньким, матушка,
 Со яичком, со яичком,
 Да сэ миленьким, матушка,
 Со дружочком, со дружочком,
 Э са малою, матушка,
 Со детею, со детею ¹.

Довольно медленно
 Очень напряженно ♩ = 93
 Одна (запевала)

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА
 (Запись 1953 г.)

За ря-ко-ю, ма-туш-ка, Все гу-ли гу-ду,

гу-се-люш-ки, за-бы-строй, су-да-ры-на.

звон-ча-ты о, звон-ча-ты о.

ОЙ, МАСЛЯНАЯ ПОКУРГУЗКА

Одна
 Не очень скоро, тяжело ♩ 66 Все тр

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА
 (Запись 1940 г.)

1. Ой мас-ля-на-я, ай по-кур-гуз-ка, ай!
 3. Ой мас-ля-на-я, эх ка-на-ду-ха, ой!

¹ Певцы относят эту песню к масленичным, однако слышать ее дове-
 лось и во время великого поста.

По кур-гуз- ка, лю-ли, по кур-гуз- ка! ка!
 Ка на-ду- ха, лю-ли, ка на-ду- ха! ха!

Оля Все

2. Про-во-дим те-бя, эх, ста-нет груз- ко, ой!
 4. По-тя-нись ко-ты, эх, хоть до ду- ха, ой!

Ста-нет груз- ко, лю-ли, ста-нет груз- ко,
 Хоть до ду- ха, лю-ли, хоть до ду- ха.

Ой масляная, ай покургузка, ай!
 Покургузка, люли, покургузка!
 Проводим тебя, эх, станет грузко, ой!
 Станет грузко, люли, станет грузко.

Ой масляная, эх канадуха, ой!
 Канадуха, люли, канадуха!
 Потянись-ка ты, эх, хоть до духа, ой!
 Хоть до духа, люли, хоть до духа.

Ой масляная, эх, обманяка, ой!
 Обманяка, люли, обманяка!
 Отдадим тебя, эх, за монаха, ой!
 За монаха, люли, за монаха.

Ой масляная, эх полизуха, ой!
 Полизуха, люли, полизуха!
 Полизала 'на, ой, курьи яйца, ой!
 Курьи яйца, люли, курьи яйца.

Ой масляная, эх полизуха, ой!
 Полизуха, люли, полизуха!
 Полизала она сыр да масло, ой!
 Сыр да масло, люли, сыр да масло.

Сыр да масло, ой курьи яйца, ой!
 Курьи яйца, люли, курьи яйца!
 Ох, курьи яйца, эх, и каравайце, ой!
 Караваец, люли, а караваец.

Запевала Е. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА
(Запись 1953 г.)

Энергично, с напором $\text{♩} = 72$

Одна (запевала)

Ма_ сля_ ни_ ца по_ кур_гуз_ ка (ой),
Все (а ой)

ой, лю_ ли, по_ кур_гуз_ ка.

по_ кур_гуз_ ка, лю_ ли, по_ кур_гуз_ ка,
Про_ во_ дим те_ бя, ста_ нет груз_ ко (ой).

ста_ нет груз_ ко, лю_ ли, ста_ нет груз_ ко.

Ой ты, речушка тякучая,
 Ах, ты тякучая, бягучая! (2)¹
 Ох, и
     да как тебе не скучетца (2)
 Ох, и
     по темному лесу текучи, (2)
 Ох, и
     все по пням, по колодошкам, (2)
 Ах, и
     все по прелым по пенушкам? (2)
 Ох, и
     молодице молоденькаё,
 Ох, и
     да как и тебе не скучется (2)
 Ох, и
     за плахым (ы) мужем житючи, (2)
 Ох, и
     за плахёю худо-долею? (2)
 — Ох, и
     вы, сястрицы, подружки мае, (2)
 Ох, и
     вы укажите, как мне мужа сжить? (2)
 — Ох, и
     ты, сестрица, подружунья мае! (2)
 Ох, и
     ты сходи-ка во чисто поле, (2)
 Ох, и
     ты нарви-ка хмелю ярого, (2)
 Ох, и
     натопи-ка пива пьяного, (2)
 Ох, и
     ты напой же яго до пьяна. (2)
 Ох, и
     ты положижь яго серед двэра, (2)
 О, серяди двора на погребё. (2)
 О, обклади його соломою,
 Ох, и
     соломою-то аржаною, соломою все аржаною,
 Ты подожди яго лучиною, пыдыжди яго лучиною,
 Ох, и

---

¹ (2) здесь и далее обозначает повторение строки.

лучинаю все бирезваю. (2)
 Ох, и
 сѣма выди за варотечке, (2)
 Ох, и крикни, гаркни громким
 голосом:
 — Ох, и вы, сестрицы, подружки
 мое,
 Ох, и моего мужа гром убил,
 Ой, и молонью глаза выпекло!

ГОРЕЛЫЙ ПЕНЬ

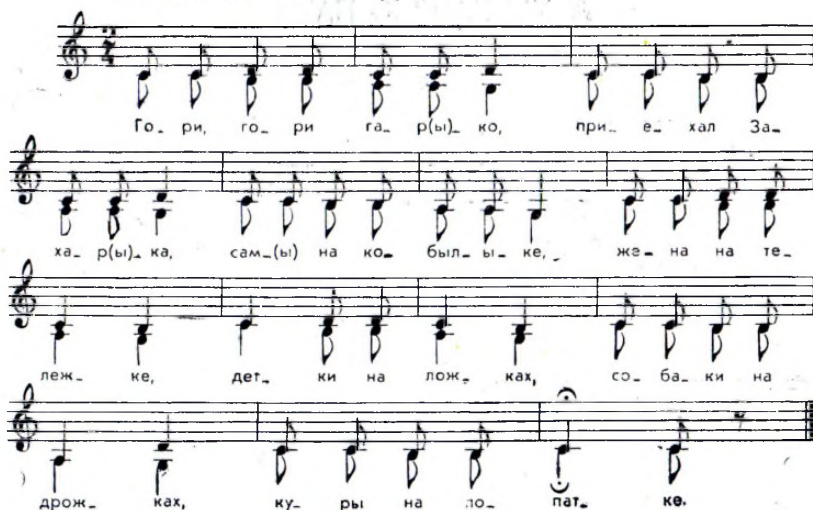
Да горелый пень, да и конопель
 С сачком, с молочком, с козиным бобочком.
 Не горело, не болело, конопель захотело
 С сачком, с молочком, с козиным бобочком.
 Да горелая маковка, маковка
 Да зеленое вишеньѣ, желтый цвет!
 Да летел петух с Киева, с Києва,
 Да на нем платье синее, синее!
 Да летел петух с Почепа, с Почепа,
 Да на нем платье строчено, строчено!¹

ГОРИ, ГОРИ ГАРКО

(игровая)

Запевала А. П. ВАСЮКОВА
 Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ
 (Запись 1940 г.)

Оживленно ♩=108

¹ Игровая. Играют и взрослые и дети, бегая по твердому снегу («се-рѣну»).

Гори, гори гарко,
 Приехал Захарка,
 Сам на кобылке,
 Жена на тележке,
 Детки на ложках,
 Собаки на дрожках,
 Куры на лопатках.

Расшифровка Е. ГИППИУСА
 (Запись 1953 г.)

Скоро $\text{♩} = 160-168$

Го_ри, го_ри гар_ко, при_е_хал За_хар_ка
 сам на ко_был_ке, дет_ки на лож_ках,
 же_на на те_леж_ке, со_баки на дрож_ках,
 ку_ры на ло_пат_ках.

А МЫ ПАШНЮ ПАХАЛИ

Запевала Е. СИМОНОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА

Довольно медленно $\text{♩} = 72-80$
 Одна (запевала)

А мы паш_ню па_хэ_ли, па_хэ_ли.
 а ли па_до па_хэ_ли, па_хэ_ли.
 Все

Вариант А

Э, мы пашню пахали, пахали,
 А ли ладо, пахали, пахали!
 А мы просо сеяли, сеяли,
 А ли ладо, сеяли, сеяли!
 А мы просо лымали, лымали,¹
 А ли ладо, лымали, лымали!
 А чем же вы будете просо ломать,
 ломать?²

А мы коня выпустим, выпустим,
 А ли ладо, выпустим, выпустим!
 А мы коня спыймаем, спыймаем,
 А ли ладо, спыймаем, спыймаем!
 А мы коня спутаим, спутаим,
 А ли ладо спутаим, спутаим!
 А мы путо рассекем, рассекем,
 А ли ладо рассекем, рассекем!

Отличия в варианте Б

А ли ладо — Э-ой ладо.
 В 3-м куплете:
 А мы просо потопчем!
 7-й и 8-й куплеты:
 За коника десять рублей!
 А мы дадим тысячу, тысячу!

¹ В слове «лымали» первая гласная звучала как средняя между ы и а.

² Певица явно сбилась с ритма и, сознавая это, не сумела исправить.

В а р и а н т В¹

А мы пашню пахали, пахали,
 Да зеленое вишенье, желтый цвет²
 А мы просо сеяли, сеяли.
 А мы просо вытопчем, вытопчем!
 А чем же вам вытоптать, вытоптать?
 А мы коня выпустим, выпустим!
 А мы дадим денежку, денежку
 А мы за денежку девушку, девушку!
 А мы дадим полушку, полушку.
 А мы за полушку старушку, старушку!

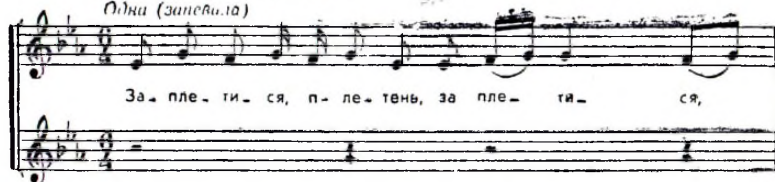
ЗАПЛЕТИСЯ, ПЛЕТЕНЬ

(игровая)

Запевала Т. ИЗОФИЛОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА

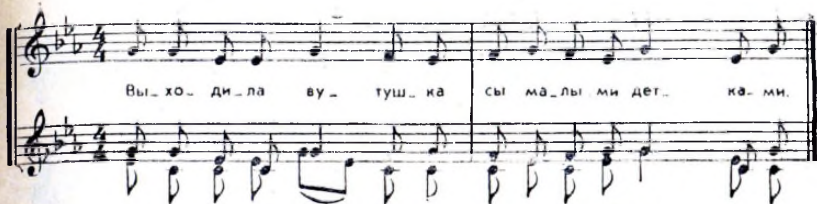
Умеренно ♩ = 100—116

Одна (запевала)

¹ По словам певицы, песня в таком варианте была «великопостной».
² Припев исполняется после каждой строки.

Заплетися, плетень, заплетися,
 Завернися труба золотая,
 Догадайся, кума молодая.
 Выходила вутушка¹
 Сы малыми детками.

Текст повторяют, пока все не сплетут руки; потом расплетают под пение:

Расплетися, плетень, расплетися,
 Развернися труба золотая,
 Догадайся, кума молодая.
 Выходила вутушка
 Сы малыми детушками.

ОБКРУЖУСЬ, ОБЧЕРТЮСЬ

Запевала М. Ил. ВАСЮКОВА
 Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Довольно медленно = 56

¹ У другой певички — вóтушка

Обкружусь, обчертюсь
 От русалок, от семицких,
 От кривых, от слепых,
 От голо...
 От голо...

ЗАВЬЮ ВЕНКИ

Запевала М. ил. ВАСЮКОВА

Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Подвижно ♩ = 104

Одна Двое

За_ вью вен_ ки на - все клен_

_ ки, чтоб ка_ пу_ стка ви_ лась, за_ ви_ ва_ ла_ ся.

Завью венки
 На все кленки,
 Чтоб капуста вилась,
 Завивалась,
 Чтоб поярей. .

Под осинкою
 С хворостинкою,
 Под березкою
 С кочережкой,
 На кривом мосту¹

.....

.....

У ВОРОТ, У ВОРОТ БАТЮШКИНЫХ

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ

(Запись 1940 г.)

♩ = 92

Одна Все

У во_ рот, у во_ ро_ т, во_ рот ба_ тюш_ ки_ ных,

¹ Пели на следующий день после «Духова дня», во время обряда завивания березы. Через неделю, при «развивании» повторяли песню; «завью» заменяли словом «разовью».

У ворот, у ворот, ворот батюшкиных,
Ой, Дунай, мой Дунай, веселый Дунай! ¹
Ворот батюшкиных, новых матушкиных
Разгулялися ребята, распотешилися.
Одному молодому гулять хочется,
Куда хочется, да нездоровится.
А я украдуся, да нагуляюся:
Я сапожки на ножки, черну (с) шляпу на ухо,
Черну шляпу на ухо, перчаточки на руки,
Перчаточки на руки, зелен кафтан на плечо,
Зелен кафтан на плечо да яй гудочек под полу.
Э, гудочек под полу, под правую сторону,
Под правую сторону, сам на улицу пойду.
Сам на улицу пойду, в карагод к девкам зайду.
Сам я сяду на скамью, на дубовую доску,
Заиграю я(в)струну, струну серебряну:
— В ж послушайте, ребята, что струна говорит,
Что струна говорит, мне жениться велит:
Стару бабушку узять, на печи в угле держать,
На печи в угле держать, чаем, кохвеем поить,
Чаем, кохвеем поить и киселем ее кормить,

¹ Припев повторяется после каждого стиха.

Киселем ее кормить, молоком ее поить,
 Молоком ее поить, конфетами забавлять.
 Как с того киселя стала баба весела,
 С этого молока стала баба молода.

Запевала Е. Д. ЗАСЮКОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

(Запись 1953 г.)

Умеренно $\text{♩} = 100$

Одна (запевала)

у во-рот, во-рот   во-рот ба-тюш-ки-ных...

Двое -- запевала и подголосница

ве-се-лый Ду-най.

Ой, Ду-най мой, Ду-най,   ой, ве-се-лый...

Все   ой, ве-се-лый Ду-най.

ой, ве-се-лый...

Все Во-рот ба-тюш-ки-ных,   но-вых ма-туш-ки-ных...

ве-се-лый Ду-най.

Ой, Ду-най мой, Ду-най,   ой, ве-се-лый Ду-най.

ОЙ, НЕ СВЕТ ЛИ ЗАРЯ ЗАНИМАЛАСЯ

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Медленно

Одна (запевала)

Ох, не свет ли за-ря за-ни-ма-ла-ся

Ой, я-ли да ма-ли, за-ни-ма-ла-ся.

Все

Одна

Ох, яс-но-е солн-це за-ка-та-ло-ся,

Все

Ой, я-ли (да) ма-ли за-ка-та-ло-ся.

Ох, не свет ли заря занималася,
Ой яли да мали, занималася,
Ох, ясное солнце закаталось,
Ой яли (да) мали, закаталось.

Ох, мой ли муж во больных лежит,
Ой яли да мали, во больных лежит,
Эй, в больных же лежит, во постелюшке,
Ой яли да мали, во постелюшке.

Ой, захотел ли мой муж студеной воды,
Ой яли да мали, студеной воды,
Студеной же воды со Дунай реки,
Ой яли да мали, со Дунай реки.

Со Дунай же реки, со трех колодезев,
Ой яли да мали, со трех колодезев.
Приказал мой муж и в три часа сходить,
Ой яли да мали, в три часа сходить,

В три часа сходить, в три минуточки,
Ой яли да мали в три минуточки.
Ой, в первый час со двору сошла,
Ой яли да мали, со двору сошла,
Э, в втором часу воду черипала,
Ой яли да мали, воду черипала,
Ой, во третий час ко двору пришла,
Ой яли да мали, ко двору пришла.
Прихожу я ко двору, приношу воду,
Ой яли да мали, приношу воду.
Э ох, и мой постыл без воды застыл,
Ой яли да мали, без воды застыл.
Ох, а мать с отцом в головах стоять,
Ой яли да мали, в головах стоять.
Эх, сестра с братом во ногах стоять,
Ой яли да мали, а в ногах и стоять.
Ой, молодая жена же среди его,
Ой яли да мали среди его.
Среди да его думу думает,
Ой яли да мали, думу думает.
Ой да и как мне быть, как и по ем тужить,
Ой яли да мали, как по нем тужить?
Ой и стань я плакать — да вся сплачешься,
Ой яли да мали, и вся исплачешься.
Ой и стану я тужить — и все стужиться,
Ой яли да мали, и все стужиться.
Ой да одна слеза покатила,ся,
Ой яли да мали, покатила,ся,
Ой и тая назад зворотила,ся,
Ой яли да мали, зворотила,ся.
Ах, а я в луг пойду, семерых найду,
Ой яли да мали, семерых найду
Среди луга — четыре друга,
Ой яли да мали, четыре друга.
Ох, ко двору иду, одного веду,
Ой яли да мали, одного веду
Ох да мой постыл из мертвых у(в)стал,
Ой яли да мали, из мертвых у(в)стал,
Эх, из мертвых у(в)стал, целоваться стал,
Ой яли да мали, целоваться стал¹.

---

¹ Пели девки и бабы после «святой» В середине хоровода клали парня, его голову покрывали платком.

КАК НАЗВАЛА ЖЕНА МУЖА

Запевала Е. СИМОНОВА,
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Довольно скоро $\text{♩} = 108-120$
Одна (запевала)

Как наз-ва-ла же-на му-жа, о-на не-го-дя-ем,
Все

ой лю-ли, спа-лю-ли, о-на не-го-дя-ем.

Ты пой-дем-ка, не-год-ный, пойдем к тестю в го-сти,

ой, лю-ли, спа-лю-ли, пойдем к тестю в го-сти.

Как назвала жена мужа, она негодаем,
Ой люли спа-люли, она негодаем.
— Ты пойдем-ка, негодный, пойдем к тестю в гости,
Ой люли спа-люли, пойдем к тестю в гости!
Ой, шла молода, ой, я мимо рощи,
Ой люли спа-люли, а я мимо рощи.
Завидела молода белую березу,
Ой люли спа-люли, белую березу.
— О, превяжу тебя, негодный, ко белой березе,
Ой люли спа-люли, ко белой березе,

А сама молода пойду загуляю,
Ой люли спа-люли, пойду загуляю!
Эх, всех девять деньков к мужу не бываю,
Ой люли спа-люли, к мужу не бываю.
На десятый денек а я приходила,
Ой люли спа-люли, а я приходила.
Не доходя до него, а я становилась,
Ой люли спа-люли, а я становилась,
Подошла к нему поближе, низко споклонилась,
Ой люли спа-люли, низко споклонилась:
— Хорошо тебе, негодный, в пиру пировати,
Ой люли спа-люли, в пиру пировати?
— Государыня жена, а мне не до перу,
Ой, да люли спа-люли, а мне не до перу,
Не до пиру, не до еду, не сладкого меду,
Ой люли спа-люли, сладкого меду
Мне комарики глазки да все искусали,
Ой люли спа-люли, да все искусали.
Мне соловушки голову да всю раздолбили,
Ой люли спа-люли, да всю раздолбили.
Мне разбойнички рубашку всю разодрали,
Ой люли спа-люли, да всю разодрали.
— Отвяжу тебя, негодный, да все с договором,
Ой люли спа-люли, да все с договором.
Ты и будешь ли, негодный, пущать мне в гости,
Ой люли спа-люли, пущать мне в гости?
— Государыня жена, ступай куда хочишь,
Ой люли спа-люли, ступай, куда хочишь!
— Отвяжу тебя, негодный, да все с договором,
Ой люли спа-люли, да все с договором:
Ты и будешь ли, негодный, давать лошаденку,
Ой люли спа-люли, давать лошаденку?
— Государыня жена, бери хочь и тройку,
Ой люли спа-люли, бери хочь и тройку!
— Отпущу тебя, негодный, а все с договором,
Ой люли спа-люли, да все с договором:
А ты будеш ли, негодный, давать тележонку,
Ой люли спа-люли, давать тележонку?
— Государыня жена, бери хочь коляску,
Ой, люли спа-люли, бери хочь коляску!
— Отвяжу тебя, негодный, а все с договором,
Ой люли спа-люли, а все с договором.

А ты будешь ли, негодный, поить меня квасом,
Ой люли спа-люли, поить меня квасом?

— Государыня жена, а я буду сатбю,¹
Ой люли спа-люли, а я буду сатбю.

Я сытою, я сытою, сладкой, медовою,
Ой люли спа-люли, сладкой, медовою!

— Отвяжу тебя, негодный, я все с договором,
Ой люли спа-люли, я все с договором:

Ты и будешь ли, негодный, кормить меня хлебом,
Ой люли спа-люли, кормить меня хлебом?

— Государыня жена, буду калачами,
Ой люли спа-люли, буду калачами².

КИТАЙ-ГОРОД

Я поеду, я в Китай-горэд гуляти, э-ох,
Я китайского ж товару закупати (2), э-ох,
Закуплю своей жене я покупку (2), э-ох.
Я такой же распродиковинный платочек (2), о-ох.
Я приеду ко жене ль, покорюся (2), о-ох.
Я низехоньке жене поклонюся (2), о-ох:
— И что, здорова ль моя жена молэдая (2), о-ох?
Ты прймай, жена ж, подарок, не ломайся (2), о-ох,
Душа-сердыце мое ли, не гордися (2), о-ох, э.
Поглядите-ка ж, добрые люди (2), о-ох,
Как жена ж меня молодца не любить (2), о-ох,
'На и не любить, 'на и не любить, не целуеть (2), о-ох.
Я поеду в Китай-город гуляти (2), о-ох,
Я китайского товару закупати (2), о-ох,
Закуплю своей жене я покупку (2), о-ох.
Я такую распродиковинную плетку (2), о-ох.
Я приеду ко жене ль, не корюся (2), о-ох,
Я низехоньке жене не клонюся (2), о-ох.
— И что, здорова ль моя жена молэдая (2), о-ох?
Ты прймай, жена ж, подарок, не ломайся (2), о-ох.
Душа-сердыце мое ли все гордится (2), о-ох.
Поглядите-ка ж, добрые люди (2), о-ох,
Как жена ж меня молодца полюбить (2), о-ох.
Ох, и она ж полюбить, полюбить, поцелуеть (2)³.

¹ «Сатбю» — сытою.

² Песня живо инсценировалась в хороводной игре.

³ Описание игры см. стр. 129.

ВЕРНЫЙ НАШ КОЛОДЕЗЬ

Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Скоро $\text{♩} = 132-144$

Одна (запевала)

Вер- ный наш ко-ло-дезь, вер- ный наш лу-го-вой,

а что сто-ишь —во-ды нет, а что сто-ишь —во ды нет.

Все

Конь во-ду вы-пи-вал, конь во-ду вы-пи-вал,

ко-пы-том зем-лю вы-се-кал, ко-пы-том зем-лю вы-се-кал.

Верный наш колодезь,
Верный наш луговой,
А что стоишь — воды нет. (2)
Конь воду выпивал, (2)
Копытом землю высекал. (2)
Нашего хозяина,
Нашего молодого
Дома не случилось. (2)

Поехал наш хозяин,
 Поехал молодой
 В Орел-город погулять. (2)
 Привезить наш хозяин,
 Привезить наш молодой (2)
 Орловскую девицу, (2)
 Выведить на улицу (2)
 — Стой, моя девица, (2)
 Люби меня, молодича, (2)
 Орловская девица, (2)
 Стели мне постелюшку,
 Орловская умница, (2)
 Клади изголовнице,
 Орловская девица, (2)
 Подыми постелюшку. (2)

КАК ПО МОРЮ

Запевала А. ЖЕЛТОВА

Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ

Скоро 108

Одна 3 Все

Как по мо-рю, как по мо-рю,
 как по морю, морю си-не-му, как по морю, морю си-не-му
 По си-не-му, по си-не-му,
 по си-не-му, по Во-лын-ско-му по си-не-му, по Во-лын-ско-му

Как по морю,¹
 Как по морю, морю синему,
 По синему,
 По синему, по Волынскому

¹ Каждая строка повторяется.

Плыло стадо,
Плыло стадо лебединое.
Серед стада,
Серед стада да сизой орел
Разбил стада,
Разбил стада лебединья,
Убил лебеда,
Убил лебеда старого,
Пустил руду,
Пустил руду по синю морю,
По синему,
По синему, по Волынскому,
Ой, перушки,
Ой, перушки — по дубровушке,
Мялкой пушок,
Мялкой пушок—на зелененький лужок.
Пила руду,
Пила руду белорыбица.¹
Брала перья,
Брала перья красна девица-душа
Сва(е)му дружку,
Сваему дружку на подушечку,
На тесовею,
На тесову на кроватушку,
На пуховую,
На пуховую пяринушку
Скоро девка,
Скоро девка догадалася,
На каленушки
На калени становилася,
Низехонька,
Низехонька спакланилася.
— Прасти, мой друг,
Прасти мой друг, прости, милая
душа!
Не знала я,
Не знала я, что ты мой милой,
Я думала,
Я думала, что прахожий человек.

---

¹ Иногда — белорыбушка.

А Я СЕЯЛА ЛЕНОК

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

Подвижно

Одна (запевала)

Все

А я сеяла ленок,
Приговаривала:
— Ты расти, расти, ленок,
Расти долог и высок,
Ты расти, расти, ленок,
Расти, долог и высок
Со корёня, кореня,
До макушки долина!
Как сказали про мой лен,
Что мой лен привален,¹
Что мой белый притоптан.
Ухватила паневишу,
Прибегаю я на льнице,
Прибегаю я на лен,
Два слядочка на ем.
Знаю, знаю чья наруга,
Моего презнего друга!²

У НАС-ТО ПО ТРАВКЕ

Э, у нас-то по травке, э у нас по муравке,
Ой лёшуньки лё ой ли, э у нас по муравке,³

¹ Потоптан.

² Пели в кругу на деревне.

³ Иногда «лешуньки», иногда «лешиньки».

Там ходить гуляеть э завдалой молодчик,
Ой лёшёнъки лё ой ли, э завдалой молодчик.
Завдалой малодчик с девками гуляе,
Ой лешуныъки ле ой ли, с девками гуляе.
Схватилася девка с молодцом пороться,¹
Ой лешуныъки ле ой ли, с молодцом пороться.
Ой, девка младца э младца сапорола²,
Ой лешуныъки ле ой ли, э младца поборола.
'На черную шляпу э с яго скидавала,
Ой лешуныъки ле ой ли, э с яго скидавала,
'На русаи кудри на ем поплутала,
Ой лешуныъки ле ой ли, э на ем поплутала.
'На черный кафтанчик на ем обмарала,
Ой лешуныъки ле ой ли, э на ем обмарала,
Ситцевую рубашку э на ем разодрала,
Ой лешуныъки ле ой ли, э на ем разодрала,
Сахвяны сапожки э с яго скидавала,
Ой лешуныъки ле ой ли, э с яго скидавала.
Ох, вышла та мати э за сына браниться,
Ой лешуныъки ле ой ли, э за сына браниться:
— Ой, девка ты младца, как тебе не стыдно,
Ой лешуныъки ле ой ли, э как тебе не стыдно,
Как тебе не стыдно э маего сына бити,
Ой лешуныъки ле ой ли, э маего сына бити!
Ох, бить не набила, э сына пристыдила,
Ой лешуныъки ле ой ли, э сына пристыдила.
Сына пристыдила при всему народу,
Ой лешуныъки ле ой ли, э при всему народу,
При всему народу э большому карагоду,
Ой лешуныъки ле ой ли, э большому карагоду.
Ой, девка та младца, младца сожалела,
Ой лешуныъки ле ой ли, э младца сожалела.
'На русаи кудри на ём расчесала,
Ой лешуныъки ле ой ли, э на ём расчесала,
'На черную шляпу э ему одевала,
Ой лешуныъки ле ой ли, э ему одевала,
Зеленый кафтанчик э на ем обтрясала,
Ой лешуныъки ле ой ли, на ем обтрясала,
Ситцевью рубашку э на ем зашивала,
Ой лешуныъки ле ой ли, э на ем зашивала,
Сахвяны сапожки э ему одевала,
Ой люшеньки ле ой ли, ему одевала,

¹ «пороться» — бороться.

² Иногда — «сапорала».

Под правую ручку его подымала,
Ой лешуньки ле ой ли, э его подымала ¹.

ХОДИЛА Я, МОЛОДА ОЙ, ПО БОРОЧКУ

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка М. ЧЕРМУХИНА

Умеренно

Одна *

Хо-дила я, мо ло-да, ой, по бо роч-
ку, ой, ска-по- ла я но- жень- ку
на дра- мо - чку Ска-ло-ла я но- жень- ку, ой, на дра- мо чку, ой,
бо-лит мо-я но- жень- ка, ой, да не боль- на.

* Скольжение от одного звука к другому

Ходила я, молода, ой по борочку, ой,
Скалола я ноженьку на драмочку².
Скалола я ноженьку, ой, на драмочку, ой, } (2)
Болит моя ноженька ой да не больна,
Любил меня молюдец да не дол(ы)га, ой,
За малое времячка, за часочек, ой, } (2)
Часочек протянется за денечек, ой,
Денечек протянется за неделю, ой,
Неделя протянется за годочек, ой. (2)

¹ Пели «молодые девки» Парень становился в круг на колени, запевала делала некоторое «взаправду» например, снимала шляпку, посыпала песком, остальное — «мнимо»

² По объяснению певиц. «драмбчка» — сор.

ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

Посеяли девки лен,¹
Ой лели, ой лелё, ой леле али э лелё.²
Посеямши, э пололи,
Пололи да белые руки кололи.
Увадился у лянок
Молоденький щеголек,
Со лина цветы сорвал,
Вяночиком свивал,
В быстру речку спокидал.
Быстра речка не текеть,
С воды бережку волна бьеть
И да желытого да песка,
До белого каминя.
А в камушку вогню нет,
А в моего мужа правды нет
Чужому мужу рубашку,
Своему мужу корыта,
Что белая береста.

ГОЛОВА ЛЬ ТЫ МОЯ

Головая ль ты моя, ох и вот головушка!
Ох, голова ль ты моя, ох и вот бурлацкая,
Ох и вот бурластая, эх переняла ль ты моя
Вот головушка, эх и вот головушка,
И худа и добра, эх худа, эх и худыя славушке,
Мил досадушке, мил... ох и мил досадушке.
Ох и что же, ох и вот за муравушке,
Ох и вот, что ж это за травушке,
Вот это за муравушке, эх, за муревушке.
Она коли взошла, коли выросла, ко...
Ох и когда выросла, эх и ох, когда выра...
Эх, она весной взошла, ох и летом выросла.
Э-ох летом выросела, серед летичка ра...
Эх и распушилася, эх распушилася,
Ох на коречечку сто., ох, стоя высохла.
Эх и что ж это, ох и вот за милый друг,
Эх и за милый друг, ах, что за милый друг,
Раздушевыной мой, и ён любил э любил ён.
Эх и любить не стал, ходить пе...
Ён любить не стал, эх, ходить перестал!

¹ Каждая строка повторяется.

² Припев повторяется после каждой строки.

ЧТО ЗЕЛЕНА, ЗЕЛЕНА В ЛУЗЕ ТРАВА

Ох, что зелена, зелена у лузе (о) тырава.
 Э-ох, чего ж она зелена? Что б (ы) лизко вода¹
 Что молода, молода да молодая вдэва.
 Ох, чего ж она молэда? Что в ей мужа нетэ.
 Ох, любила молодчика размолоденькова,
 Ох, такова парнишечку э расхолостенькова.
 Ох, стало расставаньице да не мил белый свет,
 Ох, не мил, не милешенек да ни отец, ни мати.
 Ох, летела какүшечка через зелен сад,
 Ох, садилась какүшечка на яблонечку,
 Ох, савивала гнездушко соловьиные,
 Эх, выводила детушек, соловьетушек.
 — Ой, да вы мои детушки, соловьетушки, э,
 Ой, нарек же вам батюшка э в солдатушки.
 — Ох, сударыня-матушка, нам не хочется.

ЕСТЬ У ЛЕСЕ ДВЕ БЕРЕЗКИ ВМЕСТЕ

Запевала А. ЖЕЛТОВА

Расшифровка Н. БАЧИНСКОИ

Спокойно 94—98
 Одна (запевала)

Есть у ле_ се две бе_ рез_ ки вме_ сте

Все

э- х(ы) есть у ле_ се две бе_ рез_ ки вме_ сте

Одна

Есть у по_ ле две до-рожки тор_ ных(ы),

Все

есть у по_ ле две до_ рожки тор_ ных

¹ Начиная со второй, все строки повторяются.

Есть у лесе две березки вместе,
 Эх, (ы) есть у лесе две березки вместе,
 Есть у поле две дорожки торных (ы),
 Есть у поле две дорожки торных.
 Кто же ту дороженьку торил,
 Эх, да кто же ту дороженьку торил?
 Казаченька к девчоночке ходил,
 Эх, казаченька я девценочке ходил.
 — Их, и не ходи ты, казаченька, до меня,
 Не ходи ты, молоденький, до меня, —
 Эх, и выйдет слава про тебя и про меня,
 Эх, выйдет слава про тебя и про меня.
 — Этой славы по век не боюся,
 Этой славы по век не боюся.
 Эх, с кем люблюся — вовек не скажуся,
 Эх, с кем люблюся — вовек не скажуся.
 С кем же знаюсь, пойду сповенчаюсь,
 Эх, с кем же знаюсь, пойду сповенчаюсь.
 Сповенчавшись, пойду к кошумерке,
 Эх, сповенчавшись, пойду к кошумерке.
 Кошумерка шириночку шила,
 Эх, молодая шириночку шила,
 Она шила, свою дочь учила,
 Эх, она шила, свою дочь учила:
 — Где ж ты, Маша, веночек сгубила,
 Эх, где ж ты, Маша, веночек сгубила?
 — Я на Дунай-реке белье мыла,
 Эх, я на Дунай-реке белье мыла,
 Там свой веночек сгубила,
 Эх, там свой веночек сгубила.

ОЙ И ПОЛЕ МОЕ .

Ой и поле мое все раздольице,
 Среди поля куст ракитовый. (2)
 Как под тым кустом солыдат убит,
 Как под тым под кустом солыдат убит.
 Ён убит, ён убит, шибко раненый, (2)
 А в ногах у яго конь вороненький.
 — Ох и конь, ты мой конь, конь товарищ мой, (2)
 Ты беги, беги во мою сторону, (2)
 Ты скажи, скажи отцу с матерью, (2)
 А еще сыкажи да молодэй жене...

ЧЕЁ Ж ЭТО ПОЛЕ

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Не́ скоро ♩ = 100
Одна (запевала)

1. Че-ё ж э-то по-ле, че-ё ж э-то по-ле, задремало сто... (я)?
Все

2. Ой, марьи_но по-ле, ой, марьи_но по- ле задре-ма-ло сто... (я).

3. Че-и ж э-то мы-сли, че-и э-то мы-сли на хвосте по- ви(сли)?

Примечание. В этой песне соль звучит пониженно — порой почти как соль_б, а ми_б — повышенно, особенно у хора, где ми_б звучит почти, как ми_н.

Чеё ж это поле (2)

задремало сто... (я)?

— Ой, марьино поле (2)

задремало сто (я).

Чей ж это мысли (2)

На хвосте пови... (сли)?

— Ой, марьины мысли (2)

На хвосте пови... (сли).

АХ, ВСХОДИЛИ ТУЧИ ГРОЗОВЫЕ

Довольно медленно, $\text{♩} = 76$,
постепенно ускоряя до $\text{♩} = 92$

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Одни

1 Ах, всхо-ди-ли, всхо-ди-ли, ту-чи-гро-зо-вы-е,
Все

ой, ра-ным-ра не-шень-ко ту-чи-гро-зо-вы-е.

2. По-сы-па-ли, по-сы-па-ли к(ы)-ру-пы зо-ло-ты-е,

ой, ра-ным-ра не-шень-ко кру-пы зо-ло-ты-е.

3. Ха-раши кру-пы, ха-раши кру-пы не с кем со-би-ра-ти,

ой, ра-ным-ра не-шень-ко не с кем со-би-ра-ти.

Ах, всходили, всходили
 Тучи грозовые,
 Ой, раным-ранешенько
 Тучи грозовые,
 Посыпали, посыпали
 К(ы)рупы золотые,
 Ой, раным-ранешенько
 Крупы золотые.
 Хороши крупы, хороши крупы,
 Не с кем собирать,
 Ой, раным-ранешенько
 Не с кем собира(ти)
 Подойдет весна — поставь кросна.
 Не с кем кросна ткати,
 Ой, раным-ранешенько
 Не с кем кросна ткати.
 Подойдет лето — поспеет жито.
 Не с кем жито жати,
 Ой, раным-ранешенько
 Не с кем жито жати.
 Зайду постать широкою,
 Не с кем подгоняти,
 Ой, раным-ранешенько
 Не с кем подгоняти¹.

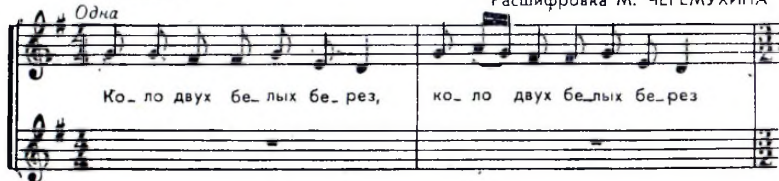
КОЛО ДВУХ БЕЛЫХ БЕРЕЗ

Подвижно

Запевала П. ИЗОТИКОВА

Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

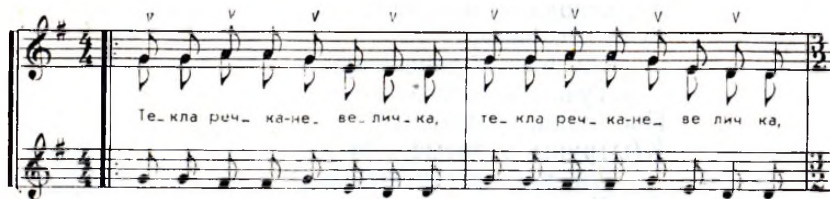
Одна

Все

¹ Пели на жниве. Когда пели молодой свекрови, только что женившейся сына, слова «не с кем» заменялись «иось с кем» Поют и на свадьбе, но чаще «чепушат» на жниве.

v — обозначение свиста

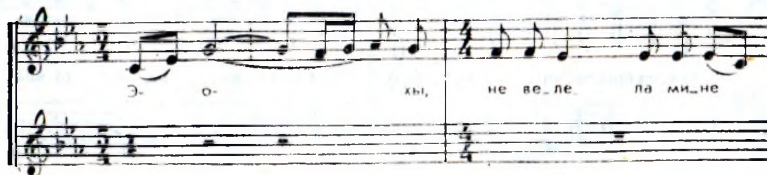
Коло двух белых берез, коло двух белых берез
Речка протекала, да речка протекала, ой, текла!
Текла речка-невеличка, текла речка-невеличка,
Ой да разливалась, ой да разливалась...¹

НЕ ВЕЛЕЛА МНЕ МАТУШКА

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Умеренно ♩=100

¹ Окончание песни не сообщено.

ма-туш-ка ни бе-лечь-ся, ни ру-мя-нить-ся

Одна
э-о-хы, ни бе-лечь-ся, ни ру-мя-нить-ся, Все

с ре-бя-та-ми ни ва-та-жить-ся

Э-о-хы, не велела мне матушка
 Ни белиться, ни румяниться,
 Э-о-хы, ни белиться, ни румяниться,
 С ребятами ни ватажиться.
 Я матушки не послушалась.
 Набелилась, нарумянилась,
 С ребятами соватажилась,
 С холостыми, с неженатыми.
 Я тогда-то оглянулася,
 Когда в пузе стреханулося,
 На рученьках закувакало,
 А я села да й заплакала.
 — Ой ты, матушка, рятуй, рятуй,
 Ты пеленочки готовь, готовь!
 А ты, батюшка, рятуй, рятуй,
 Ты мне люлечку готовь, готовь!
 А ты, дедушка, рятуй, рятуй,
 Ты почопочки готовь, готовь!
 А сястрица, ты рятуй, рятуй,
 Ты свивальнички готовь, готовь!
 И ты, братец, рятуй, рятуй,
 Ты баранчики готовь, готовь!

Я повесю эту люлочку
Среди двора на углышек:
— Баю, баю, мое дитятко,
Нет ни бабушки, ни дедушки,
Ни родимого батюшки!..

ПЛАЧ ПО МУЖУ

Э, дружечика моя жалкая,
Э, дружечика мая (у)род(ы)ная!
На кого ты, дружечика,
И на кого ж ты мене бросил!
Я ж, моя дружечика, за какой годочек
Нигде себе притоснага углушка не нашла!
Выйду я, дружечика, на улицу,
Гляну, дружечика, на четыре сторонушки:
Ни с отколь, моя дружечика,
Ни с отколь не идешь и не едешь...¹
Кинул же уж ты, моя дружечика,
Малые дитеники, неосмысленные.
Ёны же у меня, дружечико,
Все 'кошечика поглядывают,
Своего батюшку дожидают...
А чужие бати идут — та гостинцы несуть,
А мое дитятко несмышленное
Не дождалось ни с отколь тебе...²

---

¹ Всхлипывания.

² От волнения певица не могла закончить песню.

ОБРАЗЦЫ ЧАСТУШЕК¹

О ЗОЕ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Товарищи,
Станьте в сторону,
Пропую я вам
Про Семеновну

Про Семеновну,
Про жизнь крестьянскую,
Про Зою девушку —
Космодемьянскую.

Зоя девушка
Была смелая,
У партизаны шла
Она первая.

Сердце девушки
Налилось тоской,
Когда взвился враг
Над родной Москвой.

Распрощалася
Зоя с мамочкой,
Стала Зочка
Партизаночкой.

В одну темну ночь
Был туманный мрак,
Командир не знал,
Где расположен враг.

Привели Зою
К четырем столбам,
Крикнула Зочка.
— «Привет всем друзьям!»

Была отважною
Комсомолочка,
И отправилась
В поход Зочка.

По кустам ползла,
Остерегалася,
До врагов Зоя
Уже добралася.

Тут услышали
Озверелые,
Связали Зоеньке
Ручки белые.
Привели Зою
У немецкий штаб
— Расскажи, Зоя,
Где расположен враг!

Умирать Зоя
Решается,
А партизан выдать
Не собирается.

Полутру Зое
Принесли приказ —
Дали Зочке
Уже смертный час.

¹ Частушки исполняются на напевы: «Семеновна» (чаще всего), «Серп-
пьянка», «Барыня», «Савушка», «Страданье» и «Саратовские страдания».

ЛЮБОВНЫЕ

А подружка дорогая,
Я в любви 'шибилася,
Я в залёту своего
Нечаянно влюбилася.

А подружка моя,
Про залету ты не пой,
У меня залеты нету,
Ох, как весело одной!

Я залеточке своему
Строгий выговор дала,
Чтобы он меня любил,
До гроба б я его была.

Мы с залеточкой расстались
Возле стенки каменной,
Трудно было расставаться
От любви правильной.

Все бы пела, все бы пела
И была веселая,
Только ты, моя любовь,
Далеко завезенная.

Залеточка дорогой,
Приди на вечерочку,
Проводи по старой памяти
Меня, девчоночку.

Брошу розу под березу,
На душистую сирень.
Проводи, милый, до дому,
Неужели стало лень?

Полюбила я его
За карие глазеночки.
Что мне было за его,
Молоденькой девчоночке!..

Залетка в армию уходит,
Что же я ему скажу?
— Береги страну Советов,
Как берег любовь мою.

В Красной Армии залеточка,
Платочек у него:
А пускай он утирается,
Любила я его!

А мне милый, дорогой,
Мне карточку прислал,
У военной гимнастерке
Какой красивый стал!

Прислал милый письмецо,
Восемь марок на краю,
Уважительно он просит:
— Сохрани любовь мою!

А мне милый пишет, пишет:
— Гуляй, Катичка, потише.
А я ему напишу:
— Я гуляю, не спешу!

Скоро, скоро я дождуся
Своего голубчика,
Шинель новая у талию
И четыре кубика.

Скоро мой залета придет,
Чем обрадует меня?
Его строгие наказы
Не могла исполнить я!

Меня милый изменил,
Я упала на траву,
По характеру забуду,
Чуб волною — не могу!

Записано от М. Финогеновой

Мине милый изменил,
А я его тоже.
А спасибо, дорогой,
Нашла помоложе!

Милый желтую изменушку
Прикалывал на грудь.
Он прикалывал и сказывал:
— Забудешь как-нибудь!

Гора, гора,
Гора скользкая,
Горяча любовь
Комсомольская!

Ой, гора, гора,
Гора кочками,
Зарастай, любовь,
Василечками!

Гармонист сидит,
Что у поле цвет
Я его люблю —
Разговора нет!

Гармонист сидит,
Улыбается,
По глазам видать,
Что влюбляется.

Гора, гора,
Гора снежная.
Не приходи ко мне,
Залетка прежняя.

Улюблилися —
Мы были веселы,
Расставалися —
Носы повесили!

Улюблилися —
Пару минуточек,
А расставалися —
Двое суток!

Улюблилися —
Соловей нам пел,
Расставалися —
Снег в лицо летел!

* * *

Ой, фанель, фанель,
Я хожу по ней,
Скоро милому моему
Дадут шинель.
Дадут шинель ему,
Дадут винтовочку,
Командир скажет:
— Забудь девчоночку!

Забудь девчоночку,
Забудь и мать свою!
Ты пришел сюда
Защищать страну!

Когда миленький
Уходил служить,
Мне, молоденькой,
Не велел тужить!

— Не тужи, не плачь,
Моя хорошая,
Я буду письма слать —
Бумага дешева!
Вот уж год прошел,
И второй настал,
Мне залеточка
Одно письмо прислал.

Одно письмо прислал —
И то печальное:
— Я нашел себе
Кольцо венчальное!

Ты нашел себе
Кольцо венчальное,
Будет жизнь твоя
Всё печальная!

* * *

За Семеновну
Меня ругает мать,
Я пойду гулять,
Запою опять.

Мой залеточка
Пришел пьяненький,
Разговор завел
С моей маменькой.

Меня маменька
Переперечила —
С такою пьяницей
Дружить нечего!
Я маменьку
Не послушала,
А любовь свою
Я не нарушила!

Ох ты, маменька,
Поздно схватилася,
Я горячо в него
Так влюбилася!

Я сорву, сорву
Траву малинову,
Разрешите сесть
Поближе к милому!

Рассказать ему,
Как мы сейчас живем,
А еще сказать —
Страдаю я по нем!

А товарищи,
Дайте шире круг,
Посмотреть пришел
Меня любимый друг.

А товарищи,
Станьте в сторону,
Пропую я вам
Про Семеновну.

Пропую я вам,
Как влюблялася,
А еще спою,
Как расставалася!

Улюблялася
На горе крутой,
Расставалась я
На реке быстрой.

Улюблялась я
Не на шуточку,
Постояла с ним
Одну минуточку.

Ты ищи себе
Туфли модельные,
Губы покрашены,
Руки бездельные!

На столе лежит
Голубой сатин,
Пон (ы) равился
Мне из всех один!

На стене висит
Гитара новая,
Я некрасивая,
Зато бедовая!

На столе лежит
Книга-библия.
А ребят любить —
Дело гиблое.

* * *

Одну минуточку,
И то не целую;
Отвернулс', сказал
— Измену сделаю!

Я изменушки
Не испугалася,
Отвернулася
Да засмеялася.

На горе хворост,
Под горой хворост —
Продавал вчера
И задавал вопрос.

Задавал вопрос,
Сам смотрел в глаза:
— Ты колхозница,
Тебя любить нельзя!

— Я колхозница —
Не отрицаюся,
А любить тебя
Не собираюся!

СТАРИННЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Записан от Е. Ф. Симоновой¹

Подумала бедная — пойду, посватаю невесту побогаче. Приходит.

— Здоровенька!

— Проходи, садися.

— Я, ведь, что ж, — сидеть-то неколи, я пришла к вам посвататься. Чи дадите вы за моего мальчика свою девочку?

А етта отказывает.²

— Старик! Во, к нашей пришли сваты к девочке!

А старик спрашивает:

— Что ж, сколько у них наделов (земли)?

(Раньше землю наделами меряли, десятины уж потом пошли).

Ана отказывает:

— У меня один надел земли.

Тады старик спрашивает:

— А сколько у тебя ребят?

Ана отказывает:

— Да у меня три мальчика.

А дед завел.

— О! Три мальчика, один надел земли! Нет, мы свою дочку не отдадим!

А ана, когда уходит собирается:

— Ну, я за своего Кузьму усегда возьму, а вы свою Аринку повозите по рынку³.

Ну, а этта теперича, сколько время прошло, приходил богатый свататься. Пришел.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! Ну, праходи, садися.

---

¹ Запись 1953 г. Сохранена лексика рассказчицы.

² «Отказывает» — отвечает.

³ Специальное выражение на такой случай.

— Я долго-то сидеть к вам не пришел, а пришел к вам по-свататься. Не отдадите ли вы за моего мальчика свою девку?

Мать.

— Сколько у тебя душ надела?

— У меня на четыре души надела.

— А ребят сколько у тебя?

— А у меня пять сынов.

— Ну, — спрашивает старуха, — старик, старик, как же ж?

А старик отвечает:

— Ну, как же ж, на четыре надела — эта отдать можна.

— Что ж ты нашей дочке шубу сшиешь?

— Сшию, обязательно сшию.

— А каратайку сшиешь?

— Сшию.

— А що, сват, котики купить надо.

— Купю и котики.

А уж старуха.

— Вот, дед, это сват! И коты сшиет, и шубу, и каротчик, за этого отдать можна.

А потом спрашивает:

— Сваток, как же наша свадьба будет — с ладами?

— Да, с ладами.

(Без ладыги¹ — бедная свадьба; ладыгу разрубают пополам жениху и невесте).

— Ну, таперича, дай бог час!

Мать невесты посылает невестку сзывать гостей на запой.

На другой день, а то и в тот же — запой.

ЗАПОЙ

Сели за стол и начали играть.

ПРОПОЙ, ПРОПОЙНИЧЕК

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Не скоро ♩ 80—89

Одна (запекала)

¹ «Лады», «ладыги» — лодыжка коровы.

Пропой, пропойничек, (2)

Ой, катин батюшка, (2)

Ой, катин родимый

Пропил свою чадю

За винну чару, (2)

За мед, за горилку,

За красную девку.

Хвалилась, ой, Катя,

У батюшки седа

Да у окошечко глядя.

— Да хто меня вóзмет

Без пива, без вина, (3)

Без сладкого ме...

Без сладкого меду?

Саткэль ся узялся

Молодой Володю...

Молодой Володюшка,

Молодой Хведорович:

— Ой, я тебя вóзму

Без пива, без вина, (2)

Без сладкого меду.

Поют и другие песни — какие попало.

Когда идут с запою, поют:

ОЙ, ГУСИ

Очень медленно ♩=48
Одни (запевала)

Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Ой, гу си, вы гу_си, ой, гу_си, вы гу_си

се_ры_е, бе_лы... (е). Се_ры_е, бе_лы_е,

се_ры_е, бе_лы_е, и где вы бы_ва...

Ой, гуси, вы гуси, (2)
Серые, белые. (3)
(Ой и вы, дядюшки,
Молодые вы дядюшки.)
Ай, и где вы бывали?
Ай, и что ж вы видали?
— Были мы, бывали
У ласковой тещи.
— И что ж вы там видали?
— Видели ж, видали
Красную, ой, Катюшу
— Да чего ж вы не взяли?
— А взять мы не взяли,
А знак наложили,
Перстень наложили.

Запой кончен. Через неделю свадьба. Под етнат день идет сват жениха к матери невесты, спрашивает:

— Ну, что ж вы тут, сват, собралися?

— Собрались, сваток, собралися. Завтра свадьба у нас будет

СВАДЬБА

Невеста собирает свою родню, жених — свою. Каждая семья садится у себя за стол (в одно время), называется это «на каравай».

Раньше невеста не садилась — на полочку стояла, — а девки ее собирают. Невесты родня как почеститься, так дожидают жениха с поездом. А жених как почестит свою родню (поест с нею), так запрягает лошадей (больше—трех) и едет к невесте почти со всею роднею. Свекор и свекровь остаются дома. Приезжают на двор к невесте. Их встречает теща с тестем у сенях. Когда жених у сенцах стоит, невесту благословляют, невеста голосит:

Матушка родимая,
Ня кинь ты мене
И маю головушку
И при большом моем горюшку!
Батюшка мой... (то же самое).

(Как батя с матей есть, так много не голосит!)

Перепивают воду. Три раза пьют из одного стакана с зятем, в третий — зять остатки выливает через голову на людей.

Посадили невесту за стол. Когда приводят жениха, идет за ним вся его родня. Невесты родня выходит из-за стола и очищает место жениховой родне; остаются, кроме невесты, сваха и мальчик — около невесты. Мальчика выгоняют и выкупают место. Мальчик требует 100 рублей, пирогов, блинов, четверть вина. Его гонят, а он сидит с мешалкой (от хлеба), стучит по столу.

— Нет, нет, не помирятся!

Дадут ему денег (трояк или четыре рубля). Трояк берет себе, а рубль (на плетку) — дружке назад.

Тады берет дружка жениха за руку и ведет. А у невесты платок за пазухой (называется вырва).

Дружка становится на лавку и начинает бить кнутом о стены, потолок, а свадебники играют:

УДАРЬ, ДРУЖКА, ГОЛОВОЮ

Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Довольно скоро $\text{♩} = 104-112$
Одни (запевала)

Все

Ударь, дружка, головою, головою,
Не нашею стеною, стеною.
Наша стена подержися, подержися,
Твоя голова отвалися, отвалися.
Наша стена каменная, каменная,
А твоя голова костяная, костяная.

А тут сваха начинает голову чесать невесте, говорит:
— Батюшка родимый, благослови дочки голову чесать!
— Бог благословит!
— Батюшка крестный и матушка крестная¹...
— Бог благословит!
— Братцы родимые, сестрицы родимые...
— Бог благословит!

¹ Слова «благослови дочки голову чесать» повторяются после каждого обращения.

— Дядюшки родимые и тетушки любимые...
— Бог благословит!
— И вся честная кампания, с порогу до порогу, благословите красной девице голову чесать!
— Бог благословит!
— Раз б'асловлю и два б'асловлю, а в третий сама пречистая мать!

И zaczynaет сваха петь, хор подтягивает

Седлайте, седлайте вороного коня
Да бегите, бегите ко новому торгу,
Купите, купите рыбий гребешочек,
Чешите, чешите Кате головку!

Сваха наливает вина в шапку дружкину, поливает по столу, по головам и поет

Ой, Ладо, поливай, поливай зеленым вином!
Ой, Ладо, посыпай, посыпай яровым хмелем!

Берет с блюда хмель, посыпает всех хмелем.

Все начинают «играть у голубя» и петь.

А у голуба, голуба золотая голова,
А у Володи, Володи молодая жена,
Молодая жена, ой, Катюша-госпожа,
А товарищи его позавидовали ему.
— Кабы эта жена да в моем дворе жила,
Я бы летом, я бы летом на колясочке возил,
А зимою, а зимою на решетчатых санях,
На решетчатых санях, на подласовых конях.

Затем

Ходит Володька по двору, по двору,
На нему шуба до долу, до долу.
А всей шубе сметы нет, сметы нет,
А на Володю цены нет, цены нет!
Подари, Володюшка, подари
Три рубля с полтиной и с полтиной гривну!

Женех дает денежки. Все кричат

— Спасибо, Володька, спасибо, Федорович!

Покушают, поиграют (что попало), потом вылазят из-за стола.

Отец невесты берет икону, благословляет молодых.

— Живите, детки, как отец с матерью прожили, слушайте, уважайте друг друга, слушайте старых, чтоб вам люди не смеялись.

Мать стоит и больше плачет. Потом с такими же благословениями — отец и мать крестные.

Плачут, голосят, выводят молодых во двор, сажают в телегу и едут в церковь. Из церкви едут к свекру. Свекровь выносит во двор ковригу хлеба и солонку соли. Невестка ей и свекру кланяется в ноги. Поцелуются.

Свекровь.

— Ну, невестушка, на ковригу мою!

Невестка кладет свою икону на хлеб, несет все в дом, кладет на стол.

Положит на стол, за стол ведут молодых (ведет дружка)
Садятся, начинают играть песни

Катилася котелочка з-за¹ мурья,
З-за мурья, з-за мурья,
Да просилася, ой, Катечка за столъя,
За столъя, за столъя:
— Да пусти, пусти мне, Володюшка, за столъя,
За столъя, за столъя,
Ой, поглядеть на свекрова полворья,
Подворья, подворья.
— Да было тебе, ой, Катюша, поволье,
Поволье, поволье,
Глядела ты, ой, с батюшкиного подворья!

* * *

Много песен поют, все свадебные, веселые, — чтобы подскок. Поиграют—дариться станут Невестка свекрови — шаль и повойник, деверю — платки, золовке — шали. Ей дают дельги. Свадебная песня, когда «дóруются».

КАК ПО МОРЮ, МОРЮ

Умеренно ♩ = 104

Одна (запевала)

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

1 Как по морю, морю, как по си- не-му по морю,
ра- ны-м-ра-но, ра- не- шень-ки,
Все

¹ Зз-за — из-за.

Одна

2 По си не-му мо рю да-плы-ло выпл(ы)-лы ва- ло,

Все

ра ны-м-ра- но, ра не- шань- ки.

3 Одна

3 Плы- ло: выплы-ва- ло че- ты ре ву- тен- ка,

Все

ра- ны-м-ра- но, ра не- шань- ки.

Как по морю, морю,
 Как по синему по морю,
 Ранним-рано, ранешеньки,
 По синему морю¹

Да плыло-выплывало
 Четыре вутенка.

Назад оглянулись,
 К терему подвернулись.

К терему, под окошко
 Сидела, ой, Катя,

Полоки накатала,
 Сундук накладала.

¹ Припев, состоящий из строки «Ранним-рано, ранешенько», к которой прибавляется последняя строка двустопия, повторяется после каждого куплета.

Сундук жа мой новый,
Ен новый, дубовый.
Ен новый, дубовый
Да зелевом окован,
Жестью оббиванный
Пришла вечярина —
Девкам весялина.
Весь дар раздарила —
Дару ж не хватило.
Свекору ж — рубашку,
Свекрови — вторую,
Деверьям — порточки,
Невесткам — платочки,
Золовкам — вяночки:
— Да носите золовки,
Красите головки!

Вылезут из-за стола, подарятся, пойдут по воду Свекровь берет ведра, а молодая.

— Мам, давай я ж схожу за водицей!

А она

— Да ох, невестушка, сходи-ка!

И вот они идут: дружка, жених и невеста (уже с ведрами воды) Невеста как бы старается в сторону убежать, жених ее догоняет, хватает, поворачивает к дому.

Приносит воду к двору, берет кружку, разносит воду. Первому — свекру:

— Батя! Накось моей воды, выпей и умойся.

А ен пьет

— Ох, какая вода сладкая!

И умывается.

А так же — свекрови и золовкам.

Свадьба кончилась. Поужинают с самыми близкими родными.

— Ну, пойдем у отводы.

Берут еды (несет молодая студень, вино; ей подсобляют). Несут это они к невестиной матери. Там пьют и гуляют две семьи за одним столом. Потом приходят опять назад, к свекру (без тестя и тещи) Кладут молодых спать. Каравай хлеба под голову, чтобы был мальчик.

Подымают назавтра молодых (сваха) Постукает, ей отворят.

— Ну, как вы тут, живы, благополучно у вас все? Чи можна ж сегодня выпить за вас?

Жених:

— Можно. Пейте сегодня по всем.

Подымаются, переодеваются. Зять идет по тещу, ее сажают за стол, наливают стакан вина, дают самую хорошую ложку, дают ей целый блин.

— Ну, мам, выпей за хорошую дочку, за хорошее ее поведение!

(А бывало, что дают неполный стакан вина, худой блин — с дыркой.)

Потом собирают свах, и родню обеих семей, приводят к молодым. Садятся за стол, играют:

Я вчера ж была, что роза цвела,
Ночь подошла, муки приняла,
Сегодня поутру, что белая липина!

Потом идут к теще обратно, и там вся родня, тоже погостят, поиграют, попляшут, потом все идут по гостям. (У меня было 14 дворов знакомых — два дни ходили и все время были как прязь пьяные.)

Потом:

— Ну, к жениху, на разгонную.

Играют у жениха, пируют, потом расходятся по дворам — кто не пьяный.

О ПРОСВАТАНЬЕ БЕЗ ВЕДОМА НЕВЕСТЫ

Е. Ф. Симонова передавала про свою свекровь:

«Она починается и спрашивает у своей старой бабушки:

— Баб, что ж та в тэй у нас у хати играют?»

А она:

— Унучечка Марьюш! Это ж мы тебя просватали!

Даж не побудили, не спросили, не знала — за кого»

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ, ПОВЕРЬЯ, СКАЗКИ

Обычай завивания венков

На следующий день после «Духова дня» девки и бабы, иногда молодые ребята и молодожены шли в лес. Там каждая девушка выбирала себе молодую березку и связывала ее ветки венками — по числу членов семьи. Беременные женщины тоже завивали на березе венки, один венок брали с собою¹

Завив венки на своих березках, все выбирали два дерева потолще, обычно березу и осину (толщиной с руку). Дружными усилиями их наклоняли друг к другу, переплетали ветвями. На этих деревьях девушки порою тоже завивали себе по венку. Затем все брались руками за связанные верхушки деревьев (в 2 ряда с обеих сторон), трясли их и пели «Завьем венки», а потом «Обкружусь, обчертюсь». Запевала та, которая держалась за самые верхушки².

Спев обрядовые песни, девушки садились на лугу, пели разные песни³ и кумились (попарно). Кумление состояло только в обмене крестами.

Потом шли «далынкать»: собирали угощение, жарили яичницу, пели, плясали, под гармонь — кто в лесу, кто в хате. Гуляли «парочками».

Через неделю — в «Заговены» — снова шли в лес. Там каждая смотрела на свои венки (не завяли ли, с этим были связаны разные приметы). Деревья развязывали и вновь пели на тот же мотив «Разовьем венки» (слова те же, кроме 1-го куплета). Кумы возвращали друг другу кресты, но считались с тех пор кумами. Венки из цветов здесь, как выяснилось, не завивали. На «Заговеньях» уже не «далынкали».

¹ На 3-й день после родов мать и свекровь роженицы пели под этим венком песни, лили на него воду, умывались этой водой — «очищались».

² Кроме первых слов, песни эти полны такими «прямыми», непристойными выражениями, что напечатать их не представляется возможным (смысл — заклинание плодородия земли на основе «симильной магии») — см. стр. 90.

³ См. список русальских песен.

Обряд бытовал и в 1940 году, только замужние в лес почти не ходили. Ходили свободные от работы девушки. Посмотреть обряд съезжались иногда горожане (из Бежицы)

Обряд имел, видимо, корни в еще неотмерших поверьях. Так, одна дорожка весьма обстоятельно рассказывала, как, будучи подростком, видала весной на берегу ручья трех русалок — «белых, как снег». Она и подруги побросали лозу, за которой ходили, и убежали домой.

Карагодная игра «Китай-город»¹

Сообщено М. И. Васюковой

Играющие становились в большой хоровод-круг — девки, бабы, редко парни (до 30 и больше). Если есть мужчина, он выходит в круг, играет «мужа», если нет его, парня заменяет женщина. Жена идет вдоль хоровода и запекает каждый куплет. Ей навстречу движется муж, он не поет, а только играет, мимически изображая содержание каждого куплета песни.

Жена не глядит на мужа, отворачивается от предлагаемых подарков, купленных ей в «Китай-городе», — «кобызится». На словах «Поглядите, люди!» — муж разводит руками. Во второй раз, когда жена принимает его подарок, муж, соответственно словам песни, обнимает, целует ее. Хоровод большей частью движется «тихонько-тихонько». И только на последних словах (иногда раньше) останавливается.

Святочная игра «Уж я золото хороню»

Девушка снимает кольцо и идет вдоль сидящих на лавках, делая вид, что опускает его в подол (слегка подвернутый) каждой сидящей. Сзади идет другая, которая должна угадать, куда положено кольцо. Если она угадает, садится на место той, у которой кольцо, и та, в свою очередь, идет угадывать. Прячущая кольцо ходит весь вечер. Во время поисков поют «Уж я золото хороню».

Старинный жнивный обряд

Когда дождут озимые, надо покататься на жниве, «чтобы спина не болела», приговаривая: «Ивка, Ивка, возьми мою силу к яровому жниву» (предстоит еще жать яровые). После жнива яровых (яровым здесь был, большей частью, ячмень) так не катались.

Точно также завивали клок колосьев («Илье бороду») после жнива хлеба, который бывал до «Ильиной».

---

¹ Играли после «святой» недели.

Гаданье, ряженье

Под «старый Новый год» девушки и парни гадают о суженой и суженом:

...Выходят к плетню вечером, обхватывают часть изгороди (сколько могут захватить руками палок), считают. Если четное число, — выйдут замуж, женятся.

...Берут на дворе, не считая, охапку дров, приносят в хату. Пересчитывают. Смысл тот же.

...Бросают лапти через дом. Куда покажет лапоть носком, там жених, невеста.

...Кладут под постель чашку с водой, покрывают щепками, «мостом». Загадывают на любимого: явится ли во сне, перевезет ли через мост?

...Ходят под окна слушать чужие речи. Что услышат, то и будет. Например: «Садись, сиди!» Значит будет сидеть в девках.

...Полное ведро воды замыкают на ночь замком. Во сне должен присниться суженый, попросить отомкнуть ведро, напиться воды.

...Ставят стакан полный воды на лист белой бумаги (воду надо зачерпнуть самой). Зажигают две свечи (остальные гасят), в полночь глядят на воду — явится жених.

...Глядят в зеркало.

В тот же вечер баба рядится ведьмой: измазанное сажей лицо, клыки из сырой картошки, гигантский бюст из тряпья, рваный тулуп, рваное на голове, на ногах, бумажные длинные когти. Ведьма ходит по избам, пугает ребят, кривляется, задирается, пляшет. При мне (13 января 1953 года) ряженная ведьмой ходила одна женщина средних лет, забрела даже на колхозное собрание.

Старинная сказка о работнике

Записано от Б Ф Симоновой¹

Был мальчик, жил ён у работниках у помещика. И вот послали этого мальчика дрова рубить. И вот ён одну чурку ссек, другую ссек. Третью как секанул, отлетел чурбан прямо ему в голову. Мальчик день ляжить, два ляжить, ни кто об ём ня думать. Саткэль прилетает Муха-Гаваруха и Комар-Павлуха. Муха гаварить: «Нужно тут похоронить». А Комар пищить: «Нужна на небу тащить». Зделали з елки калеса и потащили на небеса. Притаскивают на небеса — там усе не по нашему: церковь з пирогов сложена, блинами 'бложена, маслом облита и баранкой обвита. Там служить поп, авсяный у него лоб, глаза по яблоку, ядить по ложке и ня видять ни крошки. Сам кадил кадилоу, сам глядел на милаю, господи помилую ету бабу милую! Какая она молодая, у святые годная!

¹ Сохранены лексика и произношение рассказчицы.

Отдельные высказывания дорожцевцев

Е. Ф. Симоновой

«Теперь уже девки не играют» (в кувиклы) А в прошлом играли, «особенно, когда в колхоз вступили» (стали работать сообща).

А. Ф. Желтовой

«На пасху карагода нет; 4 дня проводят пасхи, а тады уже после начинают карагоды. Первый — «Как у нас по морю»

«Русалки тады были, а теперь усе ушли куда-то!»

«Песни надо с конца до конца сыграть, тогда только они выходить» (очень недоброжелательна к переделкам и сокращениям).

«Весенние песни начинали, как прогонят скот»

М. Ив. Васюковой

«Бабы, дайте мне крылья!» (когда просила помощи подруг, чтобы разыграть «Кострому»).

А. П. Васюковой

«Трудна песня — выворотей много» (о песне «Я была, была на том конце»).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСПОЛНИТЕЛИ В ДОРОЖЕВЕ

Когда я в первый раз приехал в Дорожево, исполнителями песен были, в основном, женщины от 33 до 57 лет. Наиболее видную роль среди них играла старшая по годам Анна Петровна Васюкова («Гарасиха» по мужу), родом из села Соколова. Она знала наибольшее число старинных, в частности скоморошских, песен речитативного склада, из которых некоторые никто не мог «поднять» (например, «Летел голуб»), играла на показах в Москве роль Костромы. От нее были записаны и многие обряды, поверья, заговоры (видимо, Васюкова зачилась и знахарством). По знанию песен и любви к ним, к игре в «Кострому» с нею соперничали более молодые: Евдокия Федоровна Симонова («Алдонья») и сверстница ее Мария Ильинична Васюкова («Мараха»), ранее исполнявшая роль Костромы (в селе, для себя).

Мужчин в хоре было 2—3, и они не играли в пении заметной роли; необходимы они были только для игры в «Кострому» (Фельдшер, Поп, Муж Костромы) и некоторых хороводов.

Из женщин младшего поколения в хоре выделялись Мария Ивановна Васюкова («Машица»), ее сестра Елизавета Ивановна Жабина («Лисица») и Матрена Финогенова. Две последние были основными плясуньями при игре на кувилках. Возможно, что таким составом исполнителей объяснялось их хорошее знание старинных песен и слабое—новых, частушек.

Когда я приехал во второй раз (1953 г.), из прежнего состава в хоре остались только Е. Ф. Симонова, М. Ив. Васюкова, А. А. Кузина, М. К. Финогенова; зато теперь активное участие приняла группа девушек и молодых женщин. Мужчин в хоре не было.

В репертуаре девушек, в основном, — частушки и новые песни; некоторые из девушек, например Катя Васюкова, знают и умеют петь песни старшего поколения (Катя Васюкова — дочь М. Ил. Васюковой).

В частушках с припевом «Ой, калина...» отчетливо выступает деление по возрастному признаку: девушки поют и пляшут, старшие «аккомпанируют» неизменным, взятым из песни припевом. Лучшая плясунья сейчас — Рая Симонова (дочь Е. Ф. Симоновой, одной из основных исполнительниц и запевал)

Поскольку почти все исполнительницы — уроженки своего села, наблюдающийся уход исполнителей в город, на станцию заставляет тревожиться за судьбу дорожковского хорового актива.

Целый ряд старинных песен, давно уже не бытующих, приходилось буквально выуживать у старших певиц. Хор, правда, довольно дружно и быстро подхватывал эти песни, распевал их, но в этом распевании был очень силен элемент импровизационности (точнее, неуверенности певиц). Некоторые песни, например «А мы пашню пахали», оказались крайне неустойчивы по напеву, сильно видоизменяемому при повторении.

Следует отметить, что певицы очень хорошо запомнили новые песни¹, разученные в последнее время с хоровым методистом Брянского ДНТ, в том числе народную песню «Калинушку», надолго сохранив тщательную отработку и отделку песни, отсутствовавшие в пении своих, дорожковских песен.

Исполнители 1940 года

1. Васюкова Анна Петровна («Гарасиха»)	57 лет
2. Васюкова Мария Ильинична («Мараха»)	43 года
3. Васюкова Ефросинья Дмитриевна	50 лет
4. Симонова Евдокия Федоровна	41 год
5. Жабина Елизавета Ивановна («Лúсица»)	23 года
6. Козлова Варвара Матвеевна	37 лет
7. Финогонова Матрена Кузьминична	23 года
8. Кузина Нила Кузьминична	52 года
9. Кузина Акулина Андреевна	34 года
10. Зенкина Акулина Михайловна	37 лет
11. Зенкин Антон Васильевич («Джамбул»)	60 лет
12. Васюкова Пелагея Ильинична	23 года
13. Сбродов Дмитрий Иванович	39 лет
14. Жигаленков Николай Семенович	около 30 лет
15. Алешин Николай Акимович	38 лет
16. Желтова Александра Федоровна («Лексаха»)	56 лет
17. Васюкова Мария Ивановна («Мáшица»)	30 лет

Все исполнительницы радиоустановок не имели и в самостоятельно-сти не участвовали. Впервые выехали на смотр в начале 1939 года (на ст Сельцо, а потом в БРЭС). Почти все женщины неграмотны (кроме самых молодых).

Исполнители 1953 года

1. Симонова Евдокия Федоровна	54 года
2. Симонова Раиса Николаевна	17 лет
3. Васюкова Мария Ивановна	43 года
4. Васюкова Екатерина Ивановна	24 года

¹ «Песня о Москве», «Лети, победы песня», «Радостно на душе». Отработаны были и песни, вошедшие в быт в годы войны: «Черны кудри», «Шумел сурово Брянский лес» (в своем варианте).

5. Жигаленкова Валентина Михайловна	18 лет
6. Желтова Мария Васильевна	21 год
7. Финогенова Мария Николаевна	20 лет
8. Симонова Ольга Дмитриевна	25 лет
9. Зенкина Марфа Григорьевна	40 лет
10. Изотикова Татьяна Тимофеевна	40 лет
11. Изотикова Анна Федоровна	23 года
12. Изотикова Прасковья Прокопьевна	44 года
13. Кузина Акулина Андреевна	47 лет
14. Жигаленкова Лидия Алексеевна	20 лет
15. Машечкина Надежда Владимировна	22 года

Из старших запедали: Симонова Е. Ф., Васюкова М. И., изредка Изотикова Т. Т. и Изотикова П. П., из девушек (в частушках) — Васюкова Е. Н.

СУДЬБЫ ДОРОЖЕВСКОГО КОЛЛЕКТИВА

В декабре 1940 года группу дорожевцев удалось вызвать в Москву. Они дважды с большим успехом показывали свои песни, игру на кувиклах, а особенно «Кострому» (в Доме Актера, в Союзе композиторов, по радио) Тогда впервые удалось увидеть их старинные красивые костюмы. Артисты МХАТ'а, увидевшие их игру, были поражены ее яркостью, непосредственностью, отсутствием наигрыша. Надо все же отметить, что показ «Костромы» на зрителя несколько изменил постановку: хоровод разомкнулся, расступился перед зрителями, из «Костромы» исчезли все фарсовые непристойности, у отдельных исполнительниц появились черты игры «на публику», наконец, проявилась тяга к натуралистичности, умножился реквизит (дорожевцы привезли даже полуигрушечные кросна—в своем селе они обходились без них...)

Со времени московского торжества пошло полгода, когда война тяжелой, страшной лавиной прокатилась по их земле. Оба села — Дорожево и Домашево — были дотла сожжены врагами за связь жителей с партизанским движением. До 160 мужчин-дорожевцев погибло на фронтах, много жителей, в том числе женщин и детей, было расстреляно врагами в окрестностях леса, где они скрывались после сожжения жилищ. Часть селян успела эвакуироваться и жила в Саратовской области.

А «Кострома» прошла и через пожар войны. Спасаясь от огня, убегая в леса, уезжая в Поволжье, дорожевцы сумели захватить с собою красивые праздничные наряды, в которых они выступали в Москве и которые как бы олицетворяли надежду вновь попасть в столицу... «Москву посмотреть, Кострому показать»

Много труда приложили дорожевцы, чтобы на месте заросшего бурьяном пожарища восстановить родное село. Первое время жили в землянках и «балаганах» (бревенчатых сараях без пола) Благодаря помощи правительства (денежными ссудами, строительными материалами и т. п.) село смогло вновь отстроиться, но зажиточным оно еще не стало.

Прошла война, и в селе возродились прежние песни. Летом зазвучали кувиклы, на площади вновь стали играть «Кострому» и даже обогащать старую постановку новыми сценками, интермедиями...

Вызов группы дорожевцев в Москву в 1940 году заметно сказался на песенном коллективе. После войны он стабилизировался, превратился в Хор русской песни.

К сожалению, ко времени вторичного моего приезда в Дорожево (1953 г.) помощь этому коллективу со стороны Областного Дома народного творчества ограничилась редкими наездами в село хоровика-методиста. Под его руководством было разучено несколько песен, но настоящий творческий коллектив так и не был создан.

Самые последние сведения о Дорожеве (кратковременное посещение 1-2 мая 1956 г.) еще более неутешительны. Село, правда, сохраняет свои песенные традиции, но новый молодежный хор, отмеченный уже на районной олимпиаде, вовсе не знает старого местного репертуара. Вместе с баянистом, приезжавшим в село из г. Бежицы, девушки разучили только следующие песни: «Марш советских патриотов», «Уральская рябинушка», «За горою у колодца», «Уезжаем в родное село» и «Занялася заря расписная». За исполнение хор был премирован.

Таким образом, дорожевский фольклор, такой богатый и своеобразный, ценный в научно-историческом отношении, стоит перед очевидной угрозой полного забвения.

Старинный праздничный наряд.

Фото А. Кулаковского, 1956 г.

Головной убор («головное»)

Фото А. Кулаковского, 1956 г

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

О СЕЛЕ ДОРОЖЕВЕ на 1953 год

Село Дорожево (Дорожово) расположено в 10—12 км к северу от ж. д. станции Сельцо, в северо-западном углу Брянского района Брянской области (до войны — Орловской). От ближайшего промышленного центра — Бежицы — 20 км. Село расположено на большом поле (4—6 км диаметром), со всех сторон окруженном сосновыми лесами. Леса эти, в недавнем прошлом дремучие и непроходимые, были основательно вырублены еще до империалистической войны, однако Дорожево и сейчас еще в кольце лесов.

По словам жителей Дорожева, окрестности села летом исключительно хороши. Леса и луга на берегах протекающей речки Сенной (довольно полноводной) богаты ягодами, грибами. В лесу много зайцев, лис, встречаются волки, изредка видят и бурых медведей.

Село Дорожево объединяет несколько смежных «концов» и выселок. Основное ядро села составляют деревни Сурчаевка и Котовщина. К ним примыкают: Конец, Коченовка, Поповка, далее идут выселки Маково, Лазинка, Мбжари, Озерки. До войны в селе было 1200 избирателей, число жителей с детьми доходило до 2,5 тысяч. В селе есть школа-семилетка, клуб и радио. Кинопередвижка демонстрирует звуковые фильмы, но электричества нет. В экономическом отношении село и до войны не было крепким, так как почва здесь мало плодородная. В экономике села продолжает играть большую роль лес, лесное хозяйство. До войны существовало и домотканное производство холстов (из конопли).

Общее впечатление такое, что село Дорожево только сравнительно недавно, после революции установило тесную связь с ближайшими культурными центрами. Благодаря своему расположению в стороне от дорог, село это в прошлом было как бы огорожено сплошной стеной лесов, было замкнутым, изолированным.

Есть основания утверждать, что в селе Дорожеве никогда не было крепостного права и что крестьяне были приписаны к землям какого-то брянского монастыря.

ОПИСАНИЕ НАРОДНОГО СТАРИННОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА

Почти все сведения сообщила П. П. Изогикова

Старинные костюмы (женские) хранятся у многих. Их удалось спасти при сожжении гитлеровцами села.

В 1940 году женщины иногда ходили в повойниках, паневках. Раньше, согласно рассказам, повойники надевали только старухи. Повойник: передняя часть его, расшитая бусами, называется лобок, макушка из материи — шапочка. Платье: спереди — хвартук, раньше назывался — занавеска.

Общий тон платьев (почти у всех) красный. Праздничная панева часто в продольных (сверху вниз) красных, синих и др. полосах расшита бусами. У рубашки рукава также расшиты красным и черным. Манжеты (маржетки) чаще красные. Рубашка подпоясана кушаком (иногда тоже красным)

На шее — резуновыи поджерельник. На верхнюю часть груди опускается резун, на шее — жерелок, группа (до 20-ти) красных нитей, мелких бус — кралечек. Ниже до середины живота спускается тканная из бус полоса (четыре сантиметра в поперечнике) — чепка; встречается и термин — монисто.

«Головное» (убор головы) прямо на волосах спереди валец из серого холста, а на нем кокосник (кокошник) из бус разного цвета. Сзади широким плащиком спускается на шею подзатыльник — самая крупная часть «головного» — из одних бус. Над ушами, закрывая их, спускаются по груди резуновые кишки. Сам кокосник — шапочка, большей частью с малиновым верхом. Надо лбом широкая лента из серебряного галуна и нескольких рядов бус. Кокосник охватывает красная матерчатая кишка (накладывается отдельно) — повязальник. Сзади к повязальнику прикреплены разноцветные ленты, свешивающиеся по спине.

Онушки в парадном костюме обматываются красными оборами — веревочками¹.

¹ О брянских костюмах см.: Н. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки (Этнолог экспедиц. в Брянскую и Калужскую губ. 1925—1926 гг.) Мемуары Этнограф. отд. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, вып. 2, 1927.

ЗАМЕЧАНИЯ О МЕСТНОМ ГОВОРЕ

У коренных жителей села Дорожева, в особенности старшего поколения (малограмотных), не отлучающихся надолго в другие местности (преимущественно у женщин), наблюдаются характерные особенности в речи. Частично это связано с близостью села к границам расселения украинцев и белорусов¹, частично — с сохранением в быту древних слов, терминов.

Одна из наиболее заметных особенностей говора — «цоканье», то есть замена шипящих **ч** и **щ**, а также иногда **т** и **ж** звуками **ц**, **с**: канецьно, мусьцинская, цасу, девценоцьке, презня, у сумацьке, цяпло (тепло), цю-жому и т. п. Некоторые жительницы Дорожева почти не употребляют звука **ч**.

Окончание глаголов на **т** обычно смягчается: сгонить, вылетить, ня умеюць.

Характерным признаком местного говора является чисто украинское смягчение **г** в **h**: пеходный, твароh. Это смягчение **г** иногда нестойко, то есть певичы, смягчая **г**, в следующем куплете выговаривают то же слово с **г** твердым: гости и гости. Интересно, что некоторые слова все жители, даже особо склонные к смягчению **г**, произносят твердо: карагод (хоро-вод), дагавором (договором) В начале слова, в конце и перед согласными **г** смягчается, например: государыня жена, hлазки, husли худуть.

Особенностью выговора в Дорожеве также является частое смягчение конечной гласной после гортанных **г**, **к**, **х**: тройкю, чайкю.

В некоторых словах **с** заменяется на **ш**: шаштова (шестого), **ф** часто заменяется на **хв**.

В пении очень часты промежуточные гласные, средние между **ы** и **а**, **ю** и **е**, а также замена **а** на **э**, в окончаниях — **и** на **е**: бягучее (бегущие), лучиню, сэма выду зэ варотечке, пухдвю, сатою (сытою), вдэва.

В речи часто употребление нерусских слов, большей частью украинских или белорусских: трапляются, бадьор, росшукали, हुкали, балакать, чуешь, прозорый, шпалеры (с польского — обои), вагом (постепенно).

---

¹ До границы УССР приблизительно 120 км, БССР — 85 км, а до мест расселения украинцев и белоруссов, конечно, еще ближе. Недалеко (15 км) было чисто украинское село Николаевка, сожженное во время войны.

червоный (чаще в песне), йось (есть), раскутать (раскрыть), погомоним (поговорим), моть (может быть), пожечено (сожжено), хирма (ферма), вир (омут, коловорот)

Употребляются порой украинские обороты: «увчера была вымыла хату» и пр. Некоторые украинские слова вошли в быт, как, например, «хата» (только в песнях или в воспоминаниях старшего поколения сохранилась русская форма — «изба»)

В песнях замечается порою сокращение у в звук, подобный белорусскому, средний между у и в.

После л — а нередко смягчается в я: изделия. Неударяемое е заменяется порою явственным я: бярезу, расвяля, лябядина, смятана.

В целом выговор отчетливо акающий. Следует также отметить частые в пении случаи элизии, в особенности 'на вместо она.

К концам стиха замечалась иногда замена и других гласных на а, как результат некоторого утомления певички, отчетливо артикулирующей с начала стиха, а далее постепенно переходящей к открытому и более легкому а.

Иногда в пении е заменяют на у, ю. Сказывая песню, говорят «ле-ли», «ладо», а затем, пропевая ее, — «люли», «ладу»

В говоре встречается ряд местных слов, а иногда старорусских: скакать (плясать), выкозюливать (вывертывать), козюля (змея), за́видно (засветло), дородный (крепкий, толстый), шинка (полотенце), тады ж (тогда же), саткэль (откуда), нарядёмши (нарядивши), нетути, схряпала (съела), хрипатая (хрипая), ходемши (идя), баба как с бóлоха (хорошая), так и дам судушку (дам кулаком) и пр.¹

Школа, конечно, успешно борется со всеми особенностями выговора, сказывающимися на ошибках школьников. У мужчин, бывших в армии, живущих в городах, эти особенности значительно более сглажены.

Сравнение выговора селян в 1940 и в 1953 годах показывает, что указанные особенности сохраняются у старшего поколения довольно стойко; наиболее устойчивы смягчение гласной после к, г, х (Володька, чайку), элизия, замена ф на хв.

Менее устойчив набор отдельных украинских слов, проникших в село недавно (может быть, от контактов с жителями украинского села Николаевка). Так, в 1953 году ни разу не пришлось услышать слово «балакать»; другие украинские слова, например «хата», все более утверждаются в быту.

Примечательной особенностью песенного словаря дорожцев является почти полное отсутствие слова «барин». Всюду употребляется более древний термин «боярин» (что, видимо, связано с отсутствием в прошлом крепостного права)

¹ Ср. упоминавшуюся работу Н. Тиханова «Брянский говор» Сб. Отд. русского языка и словесности АН, т 76, № 4, СПб., 1906.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
Общий обзор	8
«Кострома»	8
Брянские кувиклы	40
Песенное искусство села Дорожева	50
Дорожевский фольклор	54
Общий песенный репертуар	54
Песни	61
Образцы частушек	113
Старинный свадебный обряд	117
Некоторые обычаи, поверья сказки	128
Приложение	132
Исполнители в Дорожеве	132
Судьбы дорожевского коллектива	135
Общие сведения о селе Дорожеве на 1953 год	137
Описание народного старинного женского костюма в Дорожеве	138
Замечания о местном говоре	139

КУЛАКОВСКИЙ ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ

Искусство села Дорожева

Редактор Л. Лебединский.

Художник И. Ветлугин.

Технический редактор Р. Орлова

Корректор Т. Ганешина

Сдано в произв. 12/VII-58 г.

Подпис. к печати 24/III-59 г. Ш-02583.

Формат бумаги 60X92/16. Бум. л. 4.3.

Печ. л. 9 (условных) Уч. изд. л. 8,583. Тираж 560.

Цена 8 р. 60 к. + 6 вклеек 70 к. + 1 р. 50 к.
(переплет)

Изд. 172. Зак. тип. 2131.

Моск. тип. изд-ва «Советский композитор»

WPA 104.00K